

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

КОРОЛЬ КРЫС

Роман

Великолепный роман...
Сверкающий... Яркий...
Автор знает, о чем пишет.

Washington Post

The Big Book

Джеймс Клавелл

Король крыс

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Клавелл Д.

Король крыс / Д. Клавелл — «Азбука-Аттикус»,
1962 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-14132-2

Идет Вторая мировая война, но здесь, в японском лагере для военнопленных, не слышны звуки битвы. Здесь офицеры и солдаты ведут собственную войну за выживание в нечеловеческих условиях. Кинг, американский капрал, стремится к доминированию и над пленниками, и над захватчиками. Его оружие – это бесстрашие и великолепное знание человеческих слабостей. Он готов использовать любую возможность, чтобы расширить свою власть и развратить или уничтожить любого, кто стоит на его пути. Кинг перепродает ценные предметы пленников охранникам лагеря за деньги, на которые можно купить контрабандную еду. Это противоречит японским правилам и, таким образом, правилам лагеря, но большинство офицеров закрывают глаза на торговлю. Робин Грей является исключением, и он намеревается поймать Кинга. В 1965 году по роману «Король крыс» был снят одноименный фильм, имевший большой успех. Роль Кинга исполнил Джордж Сигал (номинант на премию «Оскар» и двукратный лауреат премии «Золотой глобус»), а Робина Грея сыграл Том Кортни (дважды номинант на премию «Оскар»).

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14132-2

© Клавелл Д., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Книга первая	8
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	49
Глава 6	53
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джеймс Клавелл

Король крыс

James Clavell
KING RAT

Серия «The Big Book»

Copyright © 1962 by James Clavell
All rights reserved

© П. Мельников, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Тем, кто был там и кого сейчас нет.
Тем, кто был там и живет сейчас.
Ему.
Но в большей степени – ей.*

*Была война. Лагерь Чанги и Утрам-Роуд существовали.
Все остальное в романе – плод абсолютного вымысла, и всякое
сходство с умершим или ныне живущим персонажем случайно.*

Чанги был жемчужиной на восточной оконечности острова Сингапур, радужно переливающейся под сводом тропического неба. Он стоял на небольшом возвышении, окруженный кольцом джунглей, за которыми раскинулась сине-зеленая морская гладь, уходящая в бесконечность до самого горизонта.

Вблизи Чанги терял свою красоту и превращался в то, чем был на самом деле, – отвратительную, страшную тюрьму. Тюремные бараки посреди выжженных солнцем площадок, обнесенные возвышающимися над ними стенами.

За стенами, внутри бараков, ярусами были расположены камеры, рассчитанные на содержание двух тысяч пленных. Сейчас в камерах, в проходах между ними, в каждом закоулке и в каждой щели находилось около восьми тысяч человек. В большинстве своем это были англичане и австралийцы, немного новозеландцев и канадцев – остатки армий, принимавших участие в военной кампании на Дальнем Востоке.

Помимо всего прочего, эти люди были еще и преступниками. Преступление их было страшным. Они проиграли войну. И выжили.

Двери камер были распахнуты, двери бараков не запирались, огромные ворота, разрезающие стены, открыты настежь, и люди могли входить и выходить почти свободно. Но все равно ощущение скученности и нехватки пространства не исчезало.

За воротами проходила гудронированная дорога. Через сотню ярдов к западу дорогу перегораживали ворота, оплетенные колючей проволокой, а за ними располагалось караульное помещение, заполненное вооруженными ничтожествами из армии победителей. Потом

дорога весело убегала дальше и в конце концов терялась в растущем городе Сингапуре. Но для заключенных дорога на запад заканчивалась в сотне ярдов от главных ворот.

В направлении на восток дорога шла вдоль стены, потом поворачивала на юг и снова тянулась вдоль стены. По обеим сторонам дороги стояли ряды длинных примитивных хижин. Все они были одинаковыми – шестьдесят шагов в длину, со стенами из сплетенных листьев кокосовых пальм, грубо прибитых к столбам, и крышами из листьев тех же пальм, слой за слоем накладываемых поверх листьев, уже тронутых плесенью. Каждый год добавлялся – или должен был добавляться – новый слой. Потому что солнце, дожди и насекомые подтачивали крышу и разрушали ее. Вместо окон и дверей – проемы. Хижинины имели длинные свесы для защиты от солнца и дождя. Бетонные сваи оберегали эти хилые постройки от наводнений, а также от змей, лягушек, слизней и улиток, скорпионов, многоножек, жуков и клопов – всех возможных видов ползающих тварей.

В этих хижинах жили младшие офицеры.

К югу и востоку от дороги стояли четыре ряда бетонных бараков, двадцать в ряд, обращенные друг к другу тыльными сторонами. В них жили старшие офицеры – майоры, подполковники и полковники.

Дорога поворачивала на запад, снова следуя вдоль стены, и выходила на еще один ряд хижин. Здесь была расквартирована часть пленных, которых не вместила основная тюрьма.

И в одной из них, меньшей по размерам, чем остальные, жили американские военнослужащие – двадцать пять человек.

Там, где дорога вновь поворачивала на север, прижимаясь к стене, находились лагерные огороды. Остальные огороды, которые являлись основным источником пропитания лагеря, лежали дальше к северу, за дорогой, напротив лагерных ворот. Дорога шла дальше через небольшой огород и через двести ярдов упиралась в караульное помещение.

По периметру всей истекающей потом зоны, размером примерно полмили на полмили, шел забор из колючей проволоки. Его легко можно было разрезать. Легко преодолеть. Он не охранялся. Никаких прожекторов. Никаких часовых с пулеметами. Но что из того, что вам удалось бы выбраться за ограду? Родной дом лежал за морями, за горизонтом, за бесконечным океаном или враждебными джунглями. За проволокой жила беда – и для тех, кто сбежал, и для тех, кто остался.

К 1945 году японцы научились перекладывать заботы по управлению лагерем на самих пленных. Японцы отдавали приказы, а офицеры несли ответственность за их выполнение. Если лагерь не доставлял беспокойства, все было в порядке. Но просьба о еде доставляла беспокойство. Просьба о лекарствах – тоже. Любая просьба. То, что заключенные были живы, тоже являлось источником беспокойства.

Для заключенных Чанги был больше чем тюрьмой. Чанги был местом, где нужно начинать все сначала.

Книга первая

Глава 1

– Я достану этого проклятого ублюдка, даже если сдохну при этом! – Лейтенант Грей был рад наконец высказать вслух то, что у него накопело на душе.

Злоба, прозвучавшая в голосе лейтенанта, заставила сержанта Мастерса оторваться от своих грез. Он думал о бутылочке ледяного австралийского пива и стейке с жареным яйцом сверху, о своем доме в Сиднее, о своей жене, ее грудях и запахе ее тела. Сержант не потрудился проследить, на кого смотрит лейтенант, выглядывая из окна. Он знал, кому предназначался этот взгляд, направленный в сторону полуобнаженных мужчин, бредущих по грязной тропинке вдоль колючей проволоки. Но его удивила вспышка злобы в голосе Грея. Обычно начальник военной полиции Чанги был молчалив и неприступен, как любой англичанин.

– Поберегите силы, лейтенант, – устало отреагировал Мастерс, – скоро япошки расправятся с ним.

– К чертовой матери япошек! – бросил Грей. – Я хочу поймать его сам. Я хочу, чтобы он сидел в этой тюрьме. А когда я разберусь с ним, хочу отправить его в Утрам-Роуд.

– В Утрам-Роуд? – Мастерс был ошеломлен.

– Конечно.

– Черт возьми! Я понимаю, что вам хочется поймать его, – согласился Мастерс, – но я бы никому не пожелал подобного.

– Ему надлежит быть только там. Именно туда я собираюсь посадить его. Потому что он вор, лжец, мошенник и паразит. Кровосос, который кормится за наш счет.

Грей поднялся и подошел поближе к окну душного барака военной полиции. Он отмахнулся от мух, которые тучей поднялись с дощатого пола, и прищурился от полуденного солнца, сжигавшего утоптанную землю.

– Ей-богу, – сказал он, – я сквитаюсь с ним за всех нас.

«Удачи тебе, приятель, – подумал Мастерс. – Ты, может, и поймает Кинга, если кто-нибудь вообще способен это сделать. У тебя достанет ненависти». Мастерс не любил офицеров и не жаловал военную полицию. Грея же он презирал, потому что тот выдвинулся в офицеры из рядовых и старался скрыть это.

Но Грей был не одинок в своей ненависти. Все население Чанги ненавидело Кинга. Они ненавидели его за мускулистое тело, за ясный блеск синих глаз. В этом сумеречном мире полуживых людей не было ни упитанных, ни хорошо сложенных, крепко сбитых, плотных телом мужчин. Были только лица, на которых выделялись глаза, и тела, от которых остались кожа и кости. Люди отличались друг от друга лишь возрастом, чертами лица и ростом. И только Кинг во всем этом мире питался как настоящий мужчина, курил то, что подобает мужчине, спал столько, сколько надо мужчине, видел мужские сны и выглядел как настоящий мужчина.

– Эй! – рявкнул Грей. – Капрал! Подойди сюда!

Кинг понял, что Грей следит за ним, как только обогнул угол тюрьмы, и не потому, что разглядел лейтенанта в темноте хижины военной полиции, а потому, что знал Грея как человека привычки, а когда имеешь врага, нужно знать, как он себя ведет. Кинг знал о Грее столько, сколько любой человек может знать о другом.

Он сошел с тропинки и приблизился к обособленно стоящей хижине, выделяющейся из множества других.

– Вы хотели видеть меня, сэр? – спросил Кинг, отдавая честь.

Улыбка его была вкрадчивой. Солнцезащитные очки скрывали презрение, светившееся в его глазах.

Из окна Грей смотрел сверху вниз на Кинга. Напряженное выражение его лица скрывало ненависть.

– Куда ты направляешься?

– К себе в хижину, сэр, – терпеливо ответил Кинг, одновременно просчитывая про себя варианты: допустил ли он где-то ошибку, стукнул ли кто-нибудь лейтенанту, что происходит с Греем?

– Где ты взял эту рубашку?

Кинг купил рубашку накануне у майора, который хранил ее в течение двух лет до того дня, когда вынужден был продать ее, чтобы получить деньги и купить еду. Кингу нравилось опрятно и хорошо одеваться. Все остальные не могли себе этого позволить, и поэтому он был доволен, что сегодня на нем чистая и новая рубашка, брюки с отглаженными складками, чистые носки, начищенные ботинки и шляпа без пятен. Его забавляло, что Грей был наг, если не считать трогательно заплатанных шорт, сандалий на деревянной подошве и зеленого берета танковых войск, сильно порченного плесенью.

– Я купил ее, – сказал Кинг. – Уже давно. Нет закона, запрещающего покупать что-либо здесь или где-нибудь еще, сэр.

Грей почувствовал дерзость в слове «сэр».

– Ладно, капрал, заходи сюда!

– Зачем?

– Хочу немного поболтать, – саркастически объяснил Грей.

Кинг сдержал себя, поднялся по ступенькам в комнату и подошел к столу:

– Теперь что, сэр?

– Выверни карманы.

– Зачем?

– Делай, что тебе говорят! Ты знаешь, у меня есть право обыскать тебя в любое время. – Грей позволил продемонстрировать свое презрение к Кингу. – На это согласился даже твой командир.

– Только потому, что вы настояли на этом.

– Имею на то основание. Выверни карманы!

Кинг устало согласился. В конце концов, ему нечего было прятать. Платок, расческа, бумажник, одна пачка сигарет, табакерка, полная невыделанного яванского табака, рисовая бумага для скручивания сигарет, спички. Грей убедился в том, что в карманах ничего нет, потом открыл бумажник. В нем было пятнадцать американских долларов и около четырех сотен сингапурских долларов, выпускаемых японцами.

– Где ты взял эти деньги? – бросил Грей, обливаясь, как всегда, потом.

– Выиграл в карты, сэр.

Грей невесело рассмеялся:

– У тебя полоса везения. Она тянется уже почти три года. Не так ли?

– Вы уже закончили со мной, сэр?

– Нет. Дай мне взглянуть на твои часы.

– Они есть в списке...

– Я сказал: дай мне посмотреть на твои часы!

Кинг угрюмо расстегнул на запястье браслет из нержавеющей стали и вручил часы Грею.

Несмотря на свою ненависть к Кингу, Грей почувствовал укол зависти. Часы были водонепроницаемыми, противоударными, самозаводящимися. Фирма «Ойстер роял». Наиболее ценный предмет в Чанги, такой же ценный, как золото. Грей перевернул часы и посмотрел на цифры, выбитые в стали, потом подошел к стене, снял с нее список вещей Кинга,

автоматически стряхнул с бумаги муравьев и тщательно сверил номер часов «Ойстер роял» в списке.

– Он совпадает, – заметил Кинг. – Не беспокойтесь, сэр.

– Я не беспокоюсь. Это тебе следует беспокоиться.

Он отдал часы, которые могли обеспечить еду почти на полгода. Кинг надел часы и стал собирать со стола бумажник и остальные вещи.

– Ах да. Твой перстень! – заявил Грей. – Давай-ка проверим и его.

Но и перстень укладывался в перечень. Он проходил под названием «Золотой перстень с печаткой клана Гордон». Наряду с описанием был приведен образец печати.

– Как это у американца оказался перстень с печаткой Гордона? – Грей задавал подобный вопрос много раз.

– Я выиграл его в покер, – сказал Кинг.

– Необыкновенная у тебя память, капрал, – сказал Грей и отдал перстень.

Лейтенант наверняка знал, что и перстень, и часы окажутся в порядке. Он использовал обыск только как повод. Он чувствовал непреодолимое, почти мазохистское желание побыть некоторое время рядом со своей жертвой. Он также знал, что Кинга не так просто напугать. Многие пытались поймать его и потерпели поражение, потому что тот был сообразителен, осторожен и очень хитер.

– Почему это, – резко спросил Грей, неожиданно закипая от зависти при виде часов, перстня, сигарет, спичек и денег, – у тебя столько добра, а у остальных ничего нет?

– Не знаю, сэр. Думаю, просто везет.

– Где ты взял эти деньги?

– Выиграл в карты, сэр.

Кинг всегда был вежлив. Он всегда говорил «сэр» офицерам и отдавал им честь. Английским и австралийским офицерам. Но он знал, что они чувствовали степень его презрения к слову «сэр» и отдаванию чести. Это было не по-американски. Человек остается человеком независимо от происхождения, воспитания или звания. Если ты уважаешь его, то говоришь «сэр». Если нет, значит нет, и возражают против этого только сукины дети. Черт с ними!

Кинг надел перстень на палец, застегнул карманы и отряхнул пыль с рубашки.

– Это все, сэр? – Он заметил вспышку гнева в глазах Грея.

Грей перевел взгляд на Мастерса, который нервно следил за ними.

– Сержант, принеси мне воды.

– Воды? – Мастерс устало подал ему фляжку с водой, висевшую на стене. – Прошу вас, сэр.

– Это вчерашняя вода, – заявил Грей, хотя знал, что это не так. – Налей свежей.

– Я могу поклясться, что уже менял воду в ней, – сказал Мастерс, потом, покачив головой, вышел.

Грей молчал, а Кинг, расслабившись, ждал. Ветер шевелил листья кокосовых пальм, которые возвышались над джунглями сразу за забором. Это предвещало дождь. На востоке уже собирались черные тучи, готовые застлать собой все небо. Вскоре они превратят пыль под ногами в болото, и станет легче дышать в насыщенном влагой воздухе.

– Не желаете сигарету, сэр? – предложил Кинг, протягивая пачку.

Грей в последний раз курил настоящую сигарету два года тому назад, в день своего рождения. В свой двадцать второй день рождения. Он устался на пачку, страстно желая одну сигарету, нет, все сигареты сразу!

– Нет, – угрюмо отказался он. – Я не хочу твоих сигарет.

– Не возражаете, если я закурю, сэр?

– Возражаю!

Не отрывая глаз от лица Грея, Кинг спокойно вытащил сигарету из пачки, прикурил и глубоко затянулся.

– Вынь сигарету изо рта! – приказал Грей.

– Конечно, сэр. – Перед тем как выполнить приказ, Кинг сделал длинную, медленную затяжку. Потом ожесточенно заметил: – Я не собираюсь подчиняться вашим приказам, и нет закона, который запрещает мне курить тогда, когда мне захочется. Я американец и плевать хотел на всех, кто размахивает этим чертовым Юнион Джеком¹. Вам на это тоже было указано! Оставьте меня в покое, сэр!

– Я слежу за тобой, капрал! – взорвался Грей. – Скоро ты сделаешь промашку, а когда ты сделаешь ее, я поймаю тебя, а потом посажу вон туда. – Его палец трясся, когда он показывал на грубую клетку из бамбука, служившую в качестве камеры. – Вот место, где тебе следует быть.

– Я не нарушаю никаких законов...

– Тогда откуда ты берешь деньги?

– Играю в карты. – Кинг придвинулся ближе к Грею. Он контролировал свой гнев, но сейчас был опаснее обычного. – Никто не дает мне ничего. То, что у меня есть, я заработал сам. Как я это сделал, касается только одного меня.

– До тех пор пока я начальник военной полиции, это касается не только тебя. – Кулаки Грея сжались. – За последние месяцы было украдено много лекарств. Может быть, тебе известно что-нибудь о них?

– Ну, вы... послушайте! – яростно возразил Кинг. – За свою жизнь я ни одной вещи не украл! Я никогда в своей жизни не торговал лекарствами, и не забывайте об этом! Черт побери, если бы вы не были офицером, я бы...

– Но я офицер и хочу дать тебе понять это. Клянусь Богом, я сделаю это! Думаешь, ты чертовски сильный? Но я заставлю тебя понять, что это не так!

– Я скажу вам одно: когда мы выберемся из этого дерьмового Чанги, найдите меня и я вручу вам вашу голову.

– Я не забуду сделать это. – Грей старался успокоить бешено стучащее сердце. – Но помни, до этого я буду следить за тобой и ждать. Я ни разу не слышал о везении, которое никогда не кончается. И твоему придет конец!

– А вот и нет, сэр!

Но Кинг знал, что в словах лейтенанта много правды. Ему везло. Очень везло. Но везение обеспечивается упорным трудом, расчетом и кое-чем еще, а не только риском. По крайней мере, риск должен быть рассчитан. Как вот, например, сегодня с этим бриллиантом... Целых четыре карата. Наконец он узнал, как добраться до него. Когда он будет готов к этому. А если он справится с этим делом, оно будет последним, и не надо больше рисковать, по крайней мере здесь, в Чанги.

– Твоему везению настанет конец, – злорадно заявил Грей. – И знаешь почему? Потому что ты такой же, как и все преступники. Ты слишком жаден...

– Я не обязан выслушивать эту чушь от вас! – с яростью перебил его Кинг. – Я не больше преступник, чем...

– Да ты и есть преступник! Ты все время нарушаешь закон.

– Черта с два! Может быть, японский закон...

– К дьяволу японский закон! Я имею в виду закон лагеря. Он гласит, что торговля запрещена. Это то, чем ты занимаешься?

– Докажите это!

¹ Юнион Джек – название государственного флага Великобритании. – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.

– И докажу со временем. Ты совершишь всего лишь одну ошибку. А потом посмотрим, как ты выживешь вместе с остальными. В моей клетке. А после нее я лично прослежу, чтобы тебя отправили в Утрам-Роуд.

Кинг почувствовал, как похолодели его сердце и живот.

– Боже! – сдавленно произнес он. – Вы такой мерзавец, что можете сделать это!

– В твоём случае, – ответил Грей, на губах которого появилась пена, – это доставит мне удовольствие. Япошки ведь твои друзья!

– Ну ты и сукин сын! – Кинг сжал здоровый кулак и придвинулся к Грею.

– Эй, что здесь происходит? – поинтересовался полковник Брент, избегая по ступенькам и входя в хижину.

Это был невысокий человек, рост которого едва дотягивал до пяти футов. Борода его была закручена под подбородком по сикхскому обычаю. В руках он держал офицерскую тросточку. На его армейской фуражке не хватало козырька, и вся она была залатана мешковиной; по центру фуражки сверкала, как золотая, эмблема полка, гладкая от полировки в течение долгого времени.

– Ничего... ничего, сэр. – Грей отмахнулся от мушиного роя, пытаясь справиться со своим дыханием. – Я просто... обыскивал капрала.

– Да ладно, Грей! – раздраженно оборвал его полковник Брент. – Я слышал, что вы говорили об Утрам-Роуд и япошках. Вы имеете полное право обыскать и допросить его, это всем известно, но у вас нет причины угрожать ему или оскорблять. – Он повернулся к Кингу; лоб полковника был покрыт каплями пота. – Теперь вы, капрал. Вам надо благодарить судьбу, что я не сделаю дисциплинарного доклада капитану Брафу относительно вас. О чем вы думаете, когда расхаживаете в подобной одежде? Этого достаточно, чтобы свести с ума любого! Напрашиваетесь на неприятности?

– Да, сэр, – сказал Кинг, внешне спокойный, но мысленно проклиная себя за то, что потерял самообладание, ведь именно на это его и провоцировал Грей.

– Посмотрите на мою одежду, – продолжал полковник Брент. – Как, черт побери, вы считаете, я должен себя чувствовать?!

Кинг не ответил. Он думал: «Это твоя проблема, Мак... Ты следишь за собой, я слежу за собой...» На полковнике была только набедренная повязка, сделанная из половины саронга и обернутая вокруг талии – наподобие национальной шотландской юбки, а под повязкой уже ничего не было. В Чанги Кинг был единственным мужчиной, который носил трусы. У него их было шесть пар.

– Думаете, я не завидую вашим ботинкам? – раздраженно спросил полковник Брент. – Когда у меня есть всего лишь эти проклятые штуки.

На нем были сандалии утвердившегося образца – кусок деревяшки с прикрепленной к ней полоской ткани.

– Не могу знать, сэр, – ответил Кинг со скрытой покорностью в голосе, столь приятной для офицерского уха.

– Верно. Совершенно верно. – Полковник Брент повернулся к Грею. – Я считаю, что вы должны извиниться перед ним. Вы совершили ошибку, угрожая ему. Мы ведь должны быть справедливы, не так ли, Грей? – Он вытер пот, выступивший на его лице.

Грею понадобилось сделать над собой огромное усилие, чтобы оборвать ругательства, от которых подрагивали его губы.

– Я приношу извинения. – Произнесено это было тихо и раздраженно, отчего Кингу едва удалось подавить улыбку.

– Очень хорошо. – Полковник кивнул, потом взглянул на Кинга. – Ладно, – продолжил он, – можете идти. Но, одеваясь подобным образом, вы напрашиваетесь на неприятности. Винить вам надо только самого себя!

– Благодарю вас, сэр. – Кинг ловко козырнул.

Выйдя на солнце, он облегченно вздохнул и снова обругал себя. Боже, он чуть было не сорвался! Был близок к тому, чтобы ударить Грея, а это было бы действием сумасшедшего. Надо прийти в себя. Он остановился у тропинки и закурил. Проходившие мимо люди видели сигарету и вдыхали ее запах...

– Проклятый парень! – заявил наконец полковник, по-прежнему глядя в окно и вытирая пот со лба. Потом обратился к Грею: – Послушайте, Грей, вы и в самом деле спятили, если провоцируете его подобным образом.

– Виноват. Я... я считаю, что он...

– Кем бы он ни был, офицер и джентльмен не должен вести себя подобным образом. Плохо, очень плохо!

– Да, сэр. – Грею нечего было добавить.

Полковник хрюкнул, потом поджал губы:

– Совершенно верно. Удача, что я проходил мимо. Нельзя допустить, чтобы офицер скандалил с простым солдатом. – Он снова выглянул в дверь, ненавидя Кинга, страстно желая его сигарету. – Проклятый человек, – сказал он, не глядя на Грея, – недисциплинированный. Как и все американцы. Дурная компания. Они обращаются к своим офицерам по имени. – Он вздернул брови. – И офицеры играют в карты с рядовыми. Господи, спаси мою душу! Хуже австралийцев, а те – сброд, какого поискать. Несчастье! Совсем не похоже на индийскую армию... Что вы говорите?

– Ничего, сэр, – сказал Грей тонким голосом.

Полковник Brent быстро повернулся.

– Я не имел в виду – ну, Грей, – только потому, что... – Он запнулся, и внезапно в его глазах появились слезы. – Почему, почему они поступили так? – судорожно произнес он. – Почему, Грей? Я... Мы все любили их.

Грей пожал плечами, хотя ради приличия он должен был посочувствовать.

Полковник замялся, потом повернулся и вышел из хижины. Он шел наклонив голову, по его щекам текли тихие слезы.

Когда в сорок втором пал Сингапур, солдаты-сикхи, служившие под началом полковника, перешли на сторону врага, японцев, почти все до единого и принялись отыгрываться на своих английских офицерах. Сикхи стали первыми охранниками военнопленных, некоторые из них были хуже зверей. Офицеры не знали покоя. Потому что сикхи составляли большинство, солдат из других индийских полков было мало. Гуркхи сохраняли преданность даже под пыткой и невзирая на оскорбления. Полковник Brent оплакивал своих людей – людей, за которых он должен был бы умереть, людей, за которых он все еще умирал.

Грей посмотрел ему вслед, потом увидел Кинга, курящего у тропинки.

– Я рад, что с этого момента – либо я тебя, либо ты меня! – прошептал он сам себе.

Он сел на скамью, и его кишечник пронзила болезненная судорога, напомнив о том, что дизентерия еще не покинула его тело.

– К черту все это! – тихо произнес он, проклиная полковника Brentа и принесенное извинение.

Вернулся Мастерс с флягой, полной воды, и протянул ее лейтенанту. Тот сделал глоток, поблагодарил его и начал придумывать план уничтожения Кинга. Но голод, овладевший им в ожидании завтрака, заставил Грея отключиться.

В воздухе раздался слабый стон. Грей бросил быстрый взгляд на Мастерса, который даже не заметил, что простонал, следя за непрерывным движением ящериц, стремительно преследовавших насекомых или совокупляющихся.

– У тебя дизентерия, Мастерс?

Мастерс слабо отмахнулся от мух, которые облепляли его лицо.

– Нет, сэр. У меня не было ее в течение по крайней мере пяти недель.

– Энтерит?

– Нет, слава богу. Клянусь! Просто амеба. И малярии у меня не было почти три месяца, мне очень везет, я вполне здоров.

– Да, – согласился Грей. И добавил как бы в раздумье: – Ты выглядишь здоровым.

Но Грей знал, что вскоре ему придется подыскивать замену Мастерсу. Грей снова посмотрел на Кинга, следя за тем, как тот курит, испытывая приступ тошноты из-за желания закурить.

Мастерс снова застонал.

– Что с тобой творится, черт возьми? – сердито бросил Грей.

– Ничего, сэр. Ничего. Должно быть, я...

Но попытка закончить предложение оказалась непосильной, и слова Мастерса потонули в жужжании мух. Мухи царствовали днем, москиты ночью. Тишина не наступала никогда. Каково это – жить без мух, москитов и людей? Мастерс старался вспомнить, но не мог. Поэтому он остался сидеть неподвижно, едва дыша; он был лишь оболочкой человека. Душа его тревожно металась.

– Ладно, Мастерс, можешь идти, – разрешил Грей. – Я буду ждать сменщика. Кто он?

Мастерс заставил себя собраться с мыслями и через минуту сказал:

– Блу... Блу Уайт.

– Бога ради, приди в себя! – резко бросил Грей. – Капрал Уайт умер три недели назад.

– О, виноват, сэр, – слабо откликнулся Мастерс. – Извините, я, должно быть... Я... э-э-э... я думаю, что придет Петерсон. Помми², то есть я имею в виду – англичанин. Пехотинец, мне кажется.

– Ладно. Можешь идти завтракать. Но не задерживайся и возвращайся.

– Слушаюсь, сэр.

Мастерс надел плетеную шляпу с большими полями, отдал честь и, шаркая ногами, вышел из хижины, подтягивая на бедрах лохмотья, оставшиеся от брюк. «Боже, – подумал Грей, – за пятнадцать шагов слышно, как он воняет...» Им как раз собирались выдать немного мыла.

Но он знал, что воняет не только от Мастерса. Все остальные тоже воняют. Если ты не моешься шесть раз в день, запах пота висит вокруг тебя, как саван. И, поймав себя на мысли о саване, он снова подумал о Мастерсе и о тех признаках его состояния, которые заметил. Может быть, и Мастерс тоже знал об этом, так что какой смысл мыться?

Грей видел много смертей. Он с горечью размышлял о своем полке и о войне. «Черт побери, мне уже двадцать четыре года, а я все еще лейтенант! – чуть было не закричал он. – А война идет везде – по всему миру. Продвижения по службе происходят ежедневно. Столько возможностей! А я в этом вонючем лагере для военнопленных и все еще лейтенант. О боже! Если бы только нас не отправили в Сингапур в сорок втором году. Если бы мы попали туда, куда предполагалось сначала, – на Кавказ. Если бы мы только...»

– Хватит! – сказал он сам себе вслух. – Ты так же плох, как Мастерс, ты, проклятый дурак!

В лагере считалось нормальным, если человек иногда разговаривал сам с собой. Лучше выговориться, всегда утверждали врачи, чем копить все внутри себя, – это путь к безумию.

Не все так уж плохо, особенно днем. Можно не думать о прежней жизни, о ее основном содержании: еде, женщинах, доме, еде, еде, женщинах, еде. Но ночи – это самое страшное. Ночами человек грезит. Грезит о еде и женщинах. О своей женщине. Стоит дать себе волю – и грезы станут приятнее пробуждения, а если проявишь беспечность, то будешь грезить

² Помми – англичанин, иммигрировавший в Австралию. – *Примеч. ред.*

наяву и дни превратятся в ночи, а ночи – в дни. И тогда останется только смерть. Спокойная. Тихая. Умереть так просто. Жить было мучительно. Для всех, кроме Кинга. Тот мучений не испытывал.

Грей по-прежнему следил за ним, пытаясь расслышать, что тот говорил человеку рядом с ним, но Кинг был слишком далеко. Грей постарался опознать другого человека, но не смог. Судя по повязке на руке, это был майор. Согласно приказу японцев, все офицеры обязаны были носить на левой руке повязку с указанием их звания. Всегда. Даже если они ходили нагишом.

Черные ливневые тучи быстро собирались на небе. На востоке сверкнула молния, но солнце продолжало палить. Зловонный ветерок на мгновение поднял пыль, потом дал ей улечься.

Грей автоматически заработал бамбуковой хлопушкой для мух. Проворное, наполовину бессознательное движение кисти – и еще одна муха упала на землю, искалеченная. Убить муху было жестом легкомыслия. Изуродовать ее, чтобы тварь помучилась и в крошечной мере разделила бы твои собственные страдания. Изуродовать ее, и она будет беззвучно кричать до тех пор, пока не появятся муравьи и другие мухи, чтобы подраться из-за ее живой плоти.

Но Грей не получил обычного удовольствия от слежки за мучением мучителя. Его мысли были сосредоточены на Кинге.

Глава 2

– Видит бог, – говорил майор Кингу с наигранным оживлением, – потом наступило время, когда я попал в Нью-Йорк. В тридцать третьем году. Замечательное время! Штаты – такая прекрасная страна! Я когда-нибудь рассказывал вам о своем путешествии в Олбани? В то время я был младшим офицером...

– Да, сэр, – устало подтвердил Кинг. – Вы рассказывали мне об этом. – Он чувствовал, что устал быть вежливым, и по-прежнему ощущал на себе глаза Грея. Хотя он был в совершенной безопасности и не боялся, ему хотелось уйти с солнца, убраться с глаз лейтенанта. Да и дел полно. Дьявольщина, майор никак не может добраться до сути. – Прошу прощения, сэр. Рад был поговорить с вами.

– О, подождите минутку, – быстро проговорил майор Бэрри и нервно огляделся вокруг, ощущая любопытные взгляды проходивших мимо мужчин, чувствуя их молчаливый вопрос: о чем это он толкует с Кингом? – Я... э-э-э, могу ли я поговорить с вами с глазу на глаз?

Кинг оценивающе разглядывал его.

– Мы и так говорим с глазу на глаз. Если вы будете говорить тише...

От смущения майор вспотел. Но он старался поймать Кинга в течение нескольких дней. Такую хорошую возможность жалко было терять.

– Но ведь хижина начальника военной полиции...

– Какое отношение имеют копы к частному разговору? Я не понимаю, сэр.

Кинг был спокоен.

– Мне нужно... э-э-э... ну, полковник Селларс сказал, что вы можете помочь мне.

У майора Бэрри вместо правой руки была культя, которую он все время почесывал, трогал и теребил.

– Не окажете ли вы... Не продадите ли вы кое-что для нас, то есть я имею в виду – для меня? – Он подождал, чтобы рядом никого не было. – Это зажигалка, – прошептал Бэрри. – Ронсоновская зажигалка. В отличном состоянии.

Теперь, когда он добрался до цели, майор ощутил некоторое облегчение. Но одновременно он почувствовал себя нагим, произнося эти слова перед американцем, под солнцем, стоя на тропинке.

– Кто владелец? – спросил Кинг после минутного раздумья.

– Я. – Майор, удивленный, посмотрел на него. – Господи, не думаете ли вы, что я украл ее?! Господи, я бы никогда такого не сделал! Я хранил ее все это время, но сейчас... ну, нам пришла пора ее продать. Все в группе согласны. – Он облизал пересохшие губы и погладил культю. – Пожалуйста. Вы сделаете это? Вы можете получить за нее хорошую цену.

– Торговля противозаконна.

– Да, но прошу вас, пожалуйста! Вы можете доверять мне.

Кинг повернулся так, чтобы его спина была обращена к Грею, а лицо к ограде – на тот случай, если Грей в состоянии читать по губам.

– Я пришлю кого-нибудь после завтрака, – спокойно сказал он. – Паролем будут слова: «Лейтенант Олбани приказал мне повидать вас». Понятно?

– Да. – Майор Бэрри колебался, сердце его колотилось. – Когда вы сказали?

– После завтрака. После ланча.

– А, хорошо.

– Отдайте ее этому человеку. А когда я осмотрю ее, то свяжусь с вами. Пароль прежний.

Кинг стряхнул пепел с сигареты и бросил окурочек на землю. Он уже было собрался наступить на него, когда заметил выражение лица майора.

– О! Хотите окурочек?

Майор проворно нагнулся и схватил его:

– Благодарю. Большое спасибо. – Он открыл маленькую жестянку с табаком, осторожно содрал бумагу с окурка, высыпал полдюйма табака в сухие листья и перемешал их. – Это дает прекрасный запах, – сказал он, улыбаясь. – Я сделаю из этого по крайней мере добрых три сигареты.

– Увидимся, сэр, – сказал Кинг, отдавая честь.

– О, хм, ну... – Майор не вполне знал, как начать. – Не считаете ли вы, – нервно произнес он, понижая голос, – что, ну... отдать ее незнакомому человеку просто так... откуда мне знать... ну, что все будет в порядке?

– Во-первых, пароль, – холодно произнес Кинг, – во-вторых, моя репутация. И еще одно: я поверил вам, что вещь не краденая. Может быть, нам стоит забыть об этом?

– О нет, прошу понять меня правильно, – быстро заговорил майор. – Я ведь просто спросил. Зажигалка – это все, что у меня осталось. – Он пытался улыбнуться. – Благодарю. После завтрака. Как вы считаете, сколько времени вам потребуется, чтобы... э-э-э... продать ее?

– Так скоро, как смогу. Условия обычные. Я получаю десять процентов от продажной цены, – жестко заявил Кинг.

– Конечно. Спасибо, и еще раз благодарю за табак.

Теперь, когда все было сказано, майор Бэрри почувствовал, что с его души свалилась огромная тяжесть. «Если все сойдет удачно, – думал он, торопливо спускаясь с холма, – мы получим шестьсот или семьсот долларов. При экономном расходовании хватит на еду в течение многих месяцев». Он ни разу не вспомнил о человеке, которому принадлежала зажигалка и который отдал ее ему на хранение, когда много месяцев назад попал в госпиталь, чтобы никогда не вернуться. Это в прошлом. Сегодня зажигалка принадлежит ему. Она была его. Он может ее продать.

Кинг знал, что Грей следил за ним все это время. Азарт от совершения сделки прямо против хижины военной полиции улучшил его самочувствие. Довольный собой, он зашагал вверх по небольшому склону, автоматически отвечая на приветствия людей – офицеров и солдат, англичан и австралийцев, которых он знал. Наиболее значительные лица удостоивались специального приветствия, другим он дружески кивал.

Кинг знал об их злобной зависти, но это совершенно не трогало его. Он привык к ней; она забавляла его и увеличивала его значимость. И он был доволен, когда люди называли его королем. Он был горд как мужчина, как американец. Только ловкостью и умом он создал свой мирок. Сейчас он обозревал этот мирок и был совершенно удовлетворен.

Он остановился около хижины номер двадцать четыре, где жили австралийцы, и просунул голову в окно.

– Эй, Тинкер! – позвал он. – Я хочу, чтобы ты побрил меня и сделал маникюр.

Тинкер Белл был маленького роста, с коричневой кожей и жилистым телом, маленькими и темными глазками; нос у него шелушился. По профессии он был стригалем овец, но в Чанги стал лучшим парикмахером.

– По какому случаю? У тебя что, день рождения? Я делал тебе маникюр позавчера.

– Ну так я хочу и сегодня.

Тинкер пожал плечами и выпрыгнул из окна. Кинг откинулся на стуле под защитой свеса крыши, расслабился. Тинкер повязал ему простыню вокруг шеи и заставил его принять нужное положение.

– Посмотри на это, приятель, – сказал он и сунул маленький обмылок под нос Кингу. – Понюхай.

– Вот это да! – ухмыляясь, отозвался Кинг. – Настоящий Маккой³.

– Не знаю, о чем ты говоришь, приятель! Но это «Красные фиалки» фирмы «Ярдли»! Мой приятель спер его, когда был на работах. Прямо из-под носа у чертовых япошек. Оно стоило мне тридцать долларов, – добавил он, подмигивая и удваивая цену. – Если хочешь, я буду держать его специально для тебя.

– Вот что я скажу тебе. Я буду платить тебе пять баксов каждый раз вместо трех, пока мыло не закончится, – предложил Кинг.

Тинкер быстро прикинул. Возможно, обмылка хватит на восемь раз, может быть, на десять.

– Разрази меня гром, приятель! Я только-только верну свои деньги.

– Ты попался, Тинк, – проворчал Кинг. – Я могу купить по весу, пятнадцать долларов за кусок.

– Проклятье! – взорвался Тинкер в притворной ярости. – Приятель принимает меня за молокососа! Так не пойдет! – Он яростно превратил горячую воду и ароматно пахнущее мыло в пену. Потом рассмеялся: – Ты настоящий король⁴, приятель.

– Да, – удовлетворенно согласился Кинг.

Он и Тинкер были старыми друзьями.

– Готов, приятель? – спросил Тинкер, подняв кисточку с пеной.

– Конечно. – Тут Кинг заметил Текса, идущего по тропинке. – Подожди минуту. Эй, Текс! – окликнул он.

Текс посмотрел в сторону хижины, увидел Кинга и легкой походкой направился к нему.

– Да? – Текс был долговязым юнцом с большими ушами, кривым носом и спокойными глазами. Ростом он был высок, очень высок.

Не дожидаясь приказаний, Тинкер отошел в сторону, чтобы не слышать разговора, когда Кинг поманил Текса поближе к себе.

– Сделаешь кое-что для меня? – спросил он тихо.

– Конечно.

Кинг вынул бумажник и извлек оттуда десятидолларовую банкноту.

– Пойди найди полковника Брента. Маленький такой парень, с бородой, завязанной под подбородком. Отдай ему это.

– Ты знаешь, где он должен быть?

– За углом тюрьмы. Сегодня его черед следить за Греем.

Текс ухмыльнулся:

– Слышал, у вас была ссора.

– Этот сукин сын обыскал меня.

– Бандит, – сухо заметил Текс, почесывая светлый ежик на голове.

– Да, – рассмеялся Кинг. – И скажи Бренту, чтобы он не опаздывал в следующий раз. Но тебе следовало бы быть там, Текс. Господи, этот Брент – настоящий артист. Он даже заставил Грея извиниться. – Кинг ухмыльнулся, потом добавил еще пятерку. – Скажи ему, что это за извинение.

– О'кей. Это все?

– Нет. – Он сказал ему пароль и объяснил, где найти майора Бэрри; потом Текс ушел, а Кинг уселся поудобнее. День в целом оказался очень прибыльным.

Грей торопливо шел по грязной тропинке, затем поднялся по ступенькам в хижину номер шестнадцать. Почти подоспело время ланча, и он был болезненно голоден.

³ Американская идиома, означающая «нечто подлинное, качественное». – *Примеч. ред.*

⁴ В переводе с английского фамилия Кинг означает «король».

Люди уже выстраивались в раздраженную очередь за едой. Грей быстро прошел к своей кровати, взял два котелка, кружку, ложку, вилку и присоединился к очереди.

– Почему ланч еще не принесли? – устало спросил он человека впереди.

– Откуда, черт побери, мне знать?! – резко бросил Дейв Девен. Его произношение выдавало выпускника одного из привилегированных учебных заведений – Итона, Хэрроу или Чартерхауса; он был высокий, как бамбук.

– Я просто поинтересовался, – раздраженно сказал Грей, презирая Девена за его произношение и происхождение.

После часового ожидания принесли еду. Человек поднес два бачка к началу очереди и поставил их на землю. Раньше в бачках было по пять галлонов высокооктанового бензина. Сейчас один из них был наполовину наполнен рисом – сухим, прозрачным. Другой был полон супа.

Сегодня был суп из акулы, по крайней мере одну акулу нарезали унция за унцией, чтобы приготовить похлебку для десяти тысяч человек. Суп был теплым, на вкус слегка отдавал рыбой, в нем плавали кусочки баклажанов и капусты, какая-то сотня фунтов на десять тысяч человек. Основу его составляли листья, красные и зеленые, горькие, но тем не менее питательные, выращенные так заботливо на лагерном огороде. Суп был приправлен солью, порошком карри и красным перцем.

Каждый человек из очереди молчаливо выходил вперед, следя за тем, сколько досталось стоявшим впереди него и за ним, сравнивая их порции с той, которую получил он сам. Но сейчас, спустя три года, размеры порций были все те же. Чашка супа на человека.

При раздаче рис испускал пар. Сегодня был яванский рис, рассыпчатый, лучший рис в мире. Чашка риса на человека, кружка чая.

Каждый уносил еду и ел молча, быстро и мучительно страдая при этом. Долгоносики в рисе являлись добавкой к еде, а из супа спокойно вылавливали червей или насекомых. Но большинство, глянув, есть ли в супе кусок рыбы, больше уже не смотрели на него.

Сегодня после раздачи осталось немного еды, проверили список, и три человека в начале списка получили добавку и возблагодарили сегодняшний день. С едой было покончено, ланч завершен, а ужин будет только на закате.

Но хотя выдавали лишь суп и рис, кое-кто в лагере мог добавить к этому кусок кокосового ореха, половину банана, или кусок сардины, или волоконец-другое консервированного мяса, или даже целое яйцо, которое можно перемешать с рисом. Яйцо было роскошью. Раз в неделю, если лагерные куры неслись согласно плану, яйцо выдавали каждому пленному. Это был великий день. Не многим пленным давали по яйцу каждый день, но никто в лагере не хотел оказаться среди этих избранных.

– Эй, парни, послушайте! – Капитан Спенс стоял в центре хижины, но его голос можно было слышать и снаружи. Он был дежурным офицером на этой неделе, начальником хижины, маленький загорелый человек с искривленными чертами лица. Он подождал, пока все не вошли в хижину. – Нам надо дать дополнительно десятерых парней в бригаду для работы в лесу, завтра. – Он проверил свой список и стал выкликать имена, потом поднял голову. – Марлоу? – (Ответа не последовало.) – Кто-нибудь знает, где Марлоу?

– Думаю, он со своей группой, – отозвался Эварт.

– Передайте ему, что на завтра он записан в бригаду, работающую на аэродроме.

– Ладно.

Спенс закашлялся. Сегодня его особенно мучила астма; когда приступ кашля прошел, он продолжил:

– Комендант лагеря сегодня утром опять встречался с японским генералом. Просил увеличить пайки и выдать лекарства. – Спенс прокашлялся и продолжил ровным голосом в наступившей мгновенно тишине: – Он получил обычный отказ. Порция риса остается рав-

ной четырем унциям на человека в день. – Спенс выглянул наружу и проверил, находятся ли оба наблюдателя на своих местах. Он понизил голос, и все окружающие слушали в напряженном ожидании. – Союзнические силы находятся примерно в шестидесяти милях от Мандалая и продолжают активно наступать. Они обратили япошек в бегство. Союзники по-прежнему наступают в Бельгии, но погода очень плохая. Снежные бури. На Восточном фронте та же погода, но русские рвутся вперед, как будто за ними гонятся черти, и ожидается, что Краков будет взят через несколько дней. У янки в Маниле дела идут хорошо. Они находятся около... – тут он замешкался, стараясь вспомнить название, – мне кажется, около реки Агно на Лусоне. Это все новости. Но они хорошие.

Спенс был рад, что на этом его роль закончилась. Он заучивал информацию наизусть ежедневно на собраниях ответственных за хижины, и всякий раз, когда вставал, чтобы повторить ее публично, его прошибал холодный пот, а под ложечкой сосало. В один прекрасный момент осведомитель мог передать врагу, что он один из тех пленных, которые передают новости, а Спенс знал, что он недостаточно стоек, чтобы хранить молчание. Или когда-нибудь японцы могут услышать, как он выступает перед пленными, и тогда, тогда...

– Это все, парни. – Спенс отошел к своей койке, чувствуя приступ тошноты. Он снял брюки и вышел из хижины с полотенцем, перекинутым через руку.

Солнце палило нещадно. До дождя оставалось еще часа два. Спенс перешел через асфальтированную дорогу и встал в очередь к душе. Ему всегда надо было принимать душ после передачи новостей, потому что от него начинало остро вонять потом.

– Все в порядке, приятель? – спросил Тинкер.

Кинг посмотрел на свои ногти. Они были хорошо обработаны. После прикладывания горячих и холодных полотенец кожа на его лице стала упругой и остро пахла лосьоном.

– Отлично, – сказал он, расплачиваясь с Тинкером. – Благодарю, Тинк.

Кинг встал, надел шляпу, кивнул Тинкеру и полковнику, который терпеливо дожидался очереди постричься. Оба человека не отрываясь смотрели ему вслед.

Кинг быстро шагал по тропинке мимо скопления хижин, направляясь к себе домой. Он испытывал приятное чувство голода.

Хижина американцев стояла отдельно от других, достаточно близко к стенам. Поэтому во второй половине дня она была в тени. Кроме того, рядом проходила тропинка, которая являлась центральной артерией лагеря, да и забор из колючей проволоки был довольно близко. Все было сделано правильно. Капитан Браф из ВВС США, старший по званию американский офицер, настоял на том, чтобы американские рядовые жили в одной хижине. Большинство американских офицеров предпочли бы находиться вместе с рядовыми: им было трудно жить среди иностранцев, но этого им не позволили. Японцы приказали офицерам жить отдельно от рядовых. Военнопленные других национальностей находили это труднопереносимым, причем австралийцы страдали меньше, чем англичане.

Кинг думал о бриллианте. Эту сделку будет непросто проверить, а проверить ее необходимо. Подойдя к хижине, он заметил молодого человека, сидящего на корточках и быстро говорящего по-малайски с каким-то туземцем. Под загорелой кожей незнакомца отчетливо проступали мускулы. Широкие плечи. Узкие бедра. На теле только саронг, но обладатель его к такой одежде привык. Черты его лица казались резкими, и, хотя он был тощ, как многие в Чанги, в движениях его ощущалось изящество, а в нем самом – искра.

Малаец – крохотный, черно-коричневый – напряженно слушал ритмичную речь молодого человека, потом рассмеялся, показав зубы, испорченные употреблением бетеля, и ответил, подчеркивая мелодичную речь движениями руки. Человек присоединился к его смеху и прервал его потоком слов, не обращая внимания на пристальный взгляд Кинга.

Кинг мог уловить только отдельные слова, потому что его знание малайского было плохим и ему приходилось обходиться смесью малайского, японского и пиджин-инглиш⁵. Он прислушивался к раскатистому смеху, зная, что здесь это редкая вещь. Незнакомец смеялся от души. Это случалось очень нечасто и было бесценным даром.

Кинг в задумчивости вошел в хижину. Ее обитатели коротко взглянули на него и добродушно приветствовали. Он ответил так же коротко. Но они понимали друг друга.

Дино дремал на своей койке. Он был аккуратным невысоким человеком, с темной кожей и темными волосами, преждевременно тронутыми сединой, и скрытными светлыми глазами. Кинг почувствовал на себе его взгляд, кивнул и увидел улыбку Дино. Но глаза Дино не улыбались.

Сидящий в дальнем углу хижины Курт оторвался от починки штанов, которые пытался залатать, и сплюнул на пол. Это был низкорослый мужчина зловещего вида, с желто-коричневыми зубами, похожий на крысу; он всегда плевал на пол, и никто не любил его, потому что он никогда не мылся. Почти в центре хижины Байрон Джонс Третий и Миллер были заняты бесконечной партией в шахматы. Оба были голыми. Когда торговое судно Миллера торпедировали два года назад, он весил двести восемьдесят восемь фунтов. Рост его был равен шести футам семи дюймам. Сейчас он тянул только на сто тридцать три фунта, и складки кожи на животе, свисая, щитом прикрывали его половые органы. Голубые глаза Миллера вспыхнули, когда он потянулся и взял коня. Байрон Джонс Третий быстро убрал коня, и теперь Миллер увидел, что его ладыя находится под угрозой.

– Твоя песенка спета, Миллер, – сказал Джонс, почесывая болячки на ногах, образующиеся при работе в джунглях.

– Пошел к черту!

– Военные моряки всегда в чем-нибудь обходят торговых, – рассмеялся Джонс.

– Однако вы, ублюдки, сами себя утопили. Да еще линейный корабль!

– Да, – согласился Джонс, задумчиво теребя глазную повязку и вспоминая о гибели корабля «Хьюстон», своих приятелей и о потере глаза.

Кинг прошел по всей хижине. Макс по-прежнему сидел рядом с его койкой, к которой цепью был прикреплен большой черный ящик.

– Все в порядке, Макс, – сказал Кинг. – Спасибо. Ты свободен?

– Конечно.

У Макса было сильно потасканное лицо. Уроженец Нью-Йорка, он жил в Вест-Сайде и жизни учился на улицах с младенчества. У него были карие беспокойные глаза.

Привычным жестом Кинг вынул жестянку и дал Максу щепотку необработанного табака.

– Вот здорово! Спасибо, – сказал Макс. – Ах да, Ли просил передать тебе, что он постирал твои вещи. Сегодня он получает еду – мы во второй смене, но просил передать тебе.

– Благодарю. – Кинг вынул пачку местных сигарет «Куа», и на мгновение в хижине воцарилась тишина. Прежде чем Кинг достал спички, Макс щелкнул местной кремневой зажигалкой. – Благодарю, Макс. – Кинг глубоко затянулся. Потом, сделав паузу, спросил: – Тебе нравится «Куа»?

– Бог мой, да, – ответил Макс, не обращая внимания на иронию в голосе Кинга. – Что-нибудь еще нужно сделать?

– Я позову тебя, если ты мне будешь нужен.

Макс пересек хижину и сел на свою веревочную койку около входа. Все видели сигарету, но никто не сказал ни слова. Она принадлежала Макс. Макс заработал ее. Когда настает их день сторожить вещи Кинга, может быть, они тоже получают сигарету.

⁵ Пиджин-инглиш – англо-китайский гибридный язык.

Дино улыбнулся Макс, который подмигнул в ответ. Они разделят сигарету после еды. Они всегда делились всем тем, что находили, воровали или зарабатывали. Макс и Дино были одним целым.

И то же самое было во всем Чанги. Люди объединялись и кормились группами. По двое, по трое, редко по четыре человека. Одиночка никогда бы не смог, обрыскав изрядную территорию, найти что-нибудь годное в пищу, разжечь костер, приготовить еду и съесть ее. Трое человек – оптимальная группа. Один добывает еду, другой караулит то, что достал первый, а еще один – в резерве. Если удавалось, состоявший в резерве тоже добывал кормежку или караулил. Все делилось на троих: если ты достал яйцо, или украл кокосовый орех, или нашел банан, находясь в рабочей группе, все шло в общий котел. Закон, как и все естественные законы, был прост. Выжить можно только благодаря совместным усилиям. Было смертельно опасно утаивать что-либо от группы, потому что тебя изгоняли из нее, если об этом становилось известно. А выжить в одиночку было невозможно.

Но Кинг не имел группы. Ему хватало самого себя. Его кровать стояла в наиболее удобном углу хижины, под окном, где можно было уловить самый слабый ветерок. Ближайшая койка размещалась на расстоянии восьми футов. Кровать Кинга была добротной. Металлическая, пружины упругие, а матрас набит капком⁶. Кровать была застелена двумя одеялами, и из-под верхнего одеяла, рядом с отбеленной солнцем подушкой, выглядывали чистые простыни. Над кроватью, туго натянутая на столбах, висела противомоскитная сетка. Она была безукоризненной.

У Кинга также имелись стол, два легких стула и коврики с каждой стороны кровати. На полке за кроватью лежали его бритвенные принадлежности: бритва, помазок, мыло, лезвия, а рядом с ними – тарелки и чашки, самодельная электрическая плитка, кухонные и столовые приборы. На стене в углу висела его одежда: четыре рубашки, четыре пары брюк и четыре пары шорт. На полке лежало шесть пар носков и трусов. Под кроватью стояли две пары туфель, тапочки для душа и блестящая пара индийских сандалий.

Кинг сел на один из стульев и проверил, все ли на месте. Он заметил, что волоски, которые он аккуратно пристроил на бритве, отсутствовали. «Сволочи! – подумал он. – Какого черта я должен подвергаться риску подцепить их заразу?!» Но ничего не сказал вслух, просто отметил про себя, что бритву надо в будущем запирать.

– Привет, – поздоровался Текс. – Ты занят?

«Занят» было еще одним паролем. Это слово означало: «Готов ли ты взять посылку?»

Кинг улыбнулся, утвердительно кивнул, и Текс осторожно передал ему ронсоновскую зажигалку.

– Спасибо, – сказал Кинг. – Хочешь сегодня мой суп?

– Спрашиваешь... – ответил Текс и ушел.

Кинг лениво рассматривал зажигалку. Как и говорил майор, она была почти новой. Непоцарапанной. Срабатывала каждый раз. И очень чистая. Он раскрутил винт, удерживающий кремь, и проверил его. Это был дешевый местный кремь, почти сносившийся, поэтому Кинг открыл ящик для сигар на полке, нашел коробку с ронсоновскими кремьями и вставил новый в зажигалку, затем нажал на рычажок, и зажигалка сработала. Он осторожно отрегулировал фитиль и остался доволен результатом. Зажигалка не была подделкой, и наверняка за нее удалось бы получить восемьсот – девятьсот долларов.

Со своего места он видел молодого человека и малайца. Они по-прежнему оживленно болтали.

– Макс! – тихо позвал он, и Макс поспешил к нему. – Видишь вон того парня? – спросил Кинг, кивая на окно.

⁶ *Капок* – род ваты, волокна и пух растений семейства мальвовых.

– Какого? Малайца?

– Нет. Другого. Приведи его ко мне, ладно?

Макс выскочил из окна и пересек дорожку.

– Эй, англичанин! – грубо окликнул он молодого человека. – Кинг хочет видеть тебя. – И ткнул большим пальцем в сторону хижины. – Сейчас же.

Молодой человек уставился на Макса широко раскрытыми глазами, потом проследил за направлением его большого пальца, указывающего на хижину американцев.

– Меня? – недоверчиво спросил он, переводя взгляд на Макса.

– Да, тебя, – нетерпеливо ответил Макс.

– Зачем?

– Откуда мне знать, черт побери?!

Молодой человек нахмурился, глядя на Макса. Лицо его напряглось. Подумав секунду, он повернулся к Сулиману, малайцу:

– Нанти-лах.

– Бик, туан, – ответил Сулиман, приготовившись ждать. Потом добавил по-малайски: – Будь на чеку, туан. И иди с богом.

– Я не боюсь, мой друг, но спасибо тебе за заботу, – сказал молодой человек, улыбаясь.

Он встал и последовал за Максом в хижину.

– Вы хотели меня видеть? – спросил он, подходя к Кингу.

– Привет! – откликнулся Кинг, улыбаясь. Он заметил настороженные глаза молодого человека. Это доставило ему удовольствие, потому что такое выражение глаз было редкостью. – Садитесь. – Кивком он отпустил Макса.

Остальные, не дожидаясь указаний, отошли в сторону, чтобы дать Кингу возможность поговорить наедине.

– Давайте садитесь, – радушно предложил Кинг.

– Благодарю.

– Хотите сигарету?

Глаза молодого человека расширились, когда он увидел, что ему предлагают «Куа». Поколебавшись, он взял. Его удивление возросло, когда Кинг щелкнул ронсоновской зажигалкой, но он попытался скрыть его и глубоко затянулся сигаретой.

– Вот хорошо. Очень хорошо, – сказал он, наслаждаясь. – Благодарю.

– Как вас зовут?

– Марлоу. Питер Марлоу. – Потом иронически добавил: – А вас?

Кинг рассмеялся. «Хорошо, – подумал он, – у парня есть чувство юмора, и он не из тех, кто лижет задницу». Отметив это про себя, Кинг спросил:

– Вы англичанин?

– Да.

Кинг никогда раньше не видел Питера Марлоу, но не находил в этом ничего необычного, ведь десять тысяч лиц были так похожи друг на друга. Он молча рассматривал Марлоу, и в ответ его изучали холодные голубые глаза.

– «Куа» – лучшие сигареты здесь, – сказал наконец Кинг. – Конечно, их нельзя сравнить с «Кэмелом». Американская марка. Лучшая в мире. У вас они когда-нибудь были?

– Да, – ответил Марлоу, – но на мой вкус они слегка суховаты. Моя марка – это «Голд флейк». – Потом вежливо добавил: – Как я полагаю, это дело вкуса.

Снова наступило молчание. Питер Марлоу ждал, когда Кинг скажет, зачем хотел его видеть. Марлоу подумал, что ему нравится Кинг, несмотря на его репутацию. Питеру нравились искры юмора, блестящие в глазах Кинга.

– Вы очень хорошо говорите по-малайски, – сказал Кинг, кивая в сторону терпеливо ожидающего малайца.

– Думаю, не очень плохо.

Кинг подавил раздражение, вызванное неизменной английской привычкой принижать свои достоинства.

– Вы выучили его здесь? – терпеливо допытывался Кинг.

– Нет. На Яве. – Марлоу нерешительно огляделся по сторонам. – У вас тут подходящее местечко.

– Люблю жить с удобствами. Как вам этот стул?

– Хороший. – В глазах мелькнуло удивление.

– Стоил мне восемьдесят баксов, – гордо объяснил Кинг. – Год назад.

Марлоу пристально посмотрел на Кинга, пытаясь понять, не шутит ли тот, называя ему такую цену, но лицо Кинга выражало только довольство и очевидную гордость. «Странно, – подумал он, – говорить подобные вещи незнакомому человеку».

– Он очень удобен, – подтвердил Питер, скрывая смущение.

– Я собираюсь поесть. Хотите составить мне компанию?

– Я только что... пообедал... – осторожно ответил Марлоу.

– Вероятно, вы можете съесть еще что-нибудь, например яйцо.

После этого Питер Марлоу не мог больше скрывать свое удивление и широко открыл глаза. Кинг улыбнулся и решил, что стоило пригласить его поесть, чтобы увидеть подобную реакцию. Он опустился на колени перед своей черной коробкой и осторожно отпер ее.

Ошеломленный Марлоу уставился на содержимое коробки. Полдюжины яиц, пакеты с кофейными зернами. Стекланные банки с очень вкусными восточными сладостями. Бананы. По крайней мере фунт яванского табака. Десять или одиннадцать пачек «Куа». Стекланная банка, полная риса. Другая банка с бобами. Масло. Много лакомств, завернутых в банановые листья. Он уже несколько лет не видел такого изобилия.

Кинг вынул масло, два яйца и запер коробку. Когда он оглянулся на Питера Марлоу, то увидел, что глаза англичанина снова стали настороженными, а лицо спокойным.

– Как вам подать яйцо? Поджарить?

– Мне кажется, будет нечестным, если я приму предложение. – Питеру было трудно говорить. – Я имею в виду, что вы не предлагаете яйца просто так.

Кинг улыбнулся. Это была добрая улыбка, и Питеру стало легче.

– Не думайте об этом. Отнесите это на счет «руки помощи из-за океана» – ленд-лиза.

Вспышка раздражения промелькнула на лице англичанина, мускулы его челюсти затвердели.

– В чем дело? – резко спросил Кинг.

– Ничего, – помолчав, ответил Марлоу. Он посмотрел на яйцо. Ему не полагалось яйца в течение шести дней. – Если вы считаете, что я не введу вас в расход, я хотел бы яичницу.

– Будет сделано, – сказал Кинг. Он понимал, что где-то допустил ошибку, потому что раздражение гостя было неподдельным. «Непонятные люди эти иностранцы, – думал он. – Никогда не знаешь, как они отреагируют». Он поставил электроплитку на стол и включил вилку в розетку. – Здорово, а? – весело произнес он.

– Да.

– Это Макс собрал ее для меня, – пояснил Кинг, кивая в сторону выхода.

Питер взглянул туда.

Чувствуя, что на него смотрят, Макс поднял голову:

– Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, – ответил Кинг. – Просто рассказываю ему, как ты сделал спираль для плитки.

– А! Она работает нормально?

– Конечно.

Питер встал и, высунувшись из окна, крикнул по-малайски:

- Я прошу тебя не ждать, увидимся завтра, Сулиман.
- Очень хорошо, туан, да будет мир с тобой.
- И с тобой тоже. – Питер улыбнулся и снова сел, а Сулиман ушел.

Кинг аккуратно разбил яйца и выпустил их содержимое в нагретое масло. Желток был яркого цвета, окружающая его студенистая масса брызгалась, потрескивала и начала схватываться, и сразу же шипение заполнило всю хижину. Эти звуки захватили умы, захватили сердца и вызвали выделение желудочного сока. Но никто ничего не сказал и ничего не сделал. Не считая Текса. Он заставил себя встать и уйти из хижины.

Многие, проходя по тропинке мимо, чувствовали аромат, и это вызывало новые приступы ненависти к Кингу. Запах потянулся вниз, по склону холма, и достиг хижины военной полиции. Грей и Мастерс сразу поняли, откуда он тянется.

Испытывая тошноту, Грей встал и пошел к двери. Он собирался обойти лагерь, чтобы не чувствовать этого запаха. Потом передумал и вернулся.

– Пошли, сержант, – сказал он. – Нанесем визит американцам. Сейчас самое время проверить то, что рассказывал Селларс.

– Хорошо, – отозвался Мастерс, почти сломленный запахом.

– Чертов ублюдок мог бы, по крайней мере, готовить до ланча, а не после, когда до ужина еще пять часов.

– Американцы сегодня во второй смене. Они еще не ели.

Обитатели американской хижины занимались своими делами. Дино постарался заснуть, Курт продолжил шить, возобновилась игра в покер, а Миллер и Байрон Джонс Третий возобновили нескончаемую партию в шахматы. Но шипение яичницы разрушило душевное спокойствие, отчего Курт вогнал иголку себе в палец и грязно выругался, Дино утратил охоту спать, а Байрон Джонс Третий потрясенно наблюдал, как Миллер забрал его королеву паршивой пешкой.

– Господи! – поперхнувшись, произнес Байрон Джонс Третий, не обращаясь ни к кому. – Хотел бы я, чтобы пошел дождь.

Никто не ответил. Потому что никто ничего не слышал, кроме шипения и потрескивания.

Кинг был тоже сосредоточен. Он наблюдал за сковородой. Он гордился, что лучше его никто не может пожарить яичницу. По его мнению, яичница должна готовиться профессионалом, и быстро, хотя и не слишком.

Кинг оторвался от стряпни и улыбнулся Марлоу, но глаза последнего были прикованы к яйцам.

– Бог мой, – тихо сказал он, и это прозвучало как молитва, а не как богохульство. – Так замечательно пахнет.

Кинг был доволен.

– Подождите, пока я не закончу. И тогда поймете, что это самая растреклятая яичница из всех, которые вы вообще когда-либо видели. – Он осторожно поперчил яйца, потом добавил соли. – Вам нравится готовить? – спросил он.

– Да, – ответил Питер Марлоу. Его собственный голос звучал совершенно незнакомо для него самого. – Для своей группы чаще всего готовлю я сам.

– Как вам хочется, чтобы вас звали? Пит? Питер?

Питер Марлоу скрыл свое удивление. Только проверенные и верные друзья зовут тебя по имени, как еще можно тогда отличить друзей от просто знакомых? Он взглянул на Кинга, увидел одно дружелюбие и, вопреки самому себе, сказал:

– Питер.

– Откуда вы родом? Где ваш дом?

«Вопросы, вопросы, – подумал Питер Марлоу. – Потом он захочет знать, женат ли я или сколько у меня на счету в банке». Любопытство толкало его принять вызов Кинга, и он чуть ли не ругал самого себя за проявленный интерес. На него умиротворяюще действовало великолепие шипящей яичницы.

– Портчестер, – ответил он. – Это маленькая деревушка на южном побережье. В Хэмпшире.

– Вы женаты, Питер?

– А вы?

– Нет. – Кинг продолжил бы, но яичница была готова. Он снял сковородку с плитки и кивнул Марлоу. – Тарелка сзади вас. – Потом, очень гордый, добавил: – Взгляните сюда!

Это была лучшая яичница из тех, что когда-либо видел Марлоу, поэтому он сделал Кингу самый большой комплимент, который мог позволить себе англичанин.

– Неплохо, – бесстрастно обронил он. – Я считаю, что совсем неплохо. – Он взглянул на Кинга, сохраняя такое же безразличие на лице, как и в голосе, и тем самым подчеркивая похвалу.

– О чем, черт возьми, вы говорите, сукин вы сын?! – яростно воскликнул Кинг. – Это самая лучшая яичница, которую вы когда-либо видели в своей жизни!

Питер Марлоу был потрясен. В хижине повисла мертвая тишина. Она была взорвана неожиданным свистом. Дино и Миллер мгновенно вскочили и бросились к Кингу, а Макс встал у порога. Миллер и Дино задвинули кровать Кинга в угол, сняли коврики и засунули их под матрас. Потом они пододвинули другие кровати ближе к кровати Кинга, так что теперь, как и каждый пленный в Чанги, Кинг получил пространство размером четыре на шесть футов. В дверном проеме стоял лейтенант Грей. За ним нервно шагал сержант Мастерс.

Американцы уставились на Грея, и, замешкавшись на минуту, что позволило им прийти в себя, все встали. После такой же оскорбительной паузы Грей небрежно отдал честь и сказал:

– Вольно.

Питер Марлоу был единственным, кто не шевельнулся и продолжал сидеть.

– Встаньте! – прошипел Кинг. – Он накажет вас на всю катушку. Встаньте!

По своему богатому опыту он знал, что Грей находится во взвинченном состоянии. В кои-то веки Грей не сверлил Кинга взглядом. Глаза лейтенанта целиком сосредоточились на Питере Марлоу, и даже Кинг вздрогнул.

Не торопясь Грей прошелся по хижине, пока не дошел до Питера Марлоу. Оторвав от него взгляд, он несколько долгих секунд пристально смотрел на яичницу. Потом взглянул на Кинга и снова на Марлоу:

– Вы ведь далеко от дома, не так ли, Марлоу?

Марлоу вынул свою коробочку с табаком, положил щепотку табака на кусочек листа, свернул самокрутку и поднес ее к губам. Долгая пауза подействовала на Грея как пощечина.

– О, старина, не знаю, – мягко ответил Марлоу. – Разве вы не считаете, что англичанин всегда дома, где бы он ни был?

– Где ваша повязка?

– На поясе.

– Считается, что она должна быть на рукаве. Таков приказ.

– Это японские приказы. Мне они не нравятся, – возразил Марлоу.

– Это также и лагерные приказы, – ответил Грей.

Их голоса были совершенно спокойными. Американцам казалось, что они лишь слегка раздражены, но Грей понял, как обстоят дела. Понял это и Питер Марлоу. Это было объявлением войны между ними. Марлоу ненавидел японцев, а Грей, по его мнению, являлся их представителем, потому что претворял в жизнь лагерные приказы, которые также были и

японскими приказами. Безжалостно. Между ними существовала и более глубокая, врожденная классовая ненависть. Питер Марлоу знал, что Грей презирает его за происхождение и произношение, которые были предметом зависти Грея, но оставались для него недостижимыми.

– Наденьте ее! – Грей имел право приказать сделать это.

Марлоу пожал плечами, вытащил повязку и прицепил ее около левого локтя. На повязке было обозначено его звание. Капитан Королевских военно-воздушных сил.

Глаза Кинга расширились. «Господи, он же офицер, – подумал Кинг, – а я хотел было попросить его...»

– Очень жаль прерывать ваш ланч, – начал Грей, – но, кажется, кто-то что-то потерял.

– Что-то потерял? – «Господи, – чуть было не закричал Кинг. – „Ронсон“! О мой бог, – вопил его страх, – избавься от этой чертовой зажигалки!»

– В чем дело, капрал? – спросил Грей, заметив пот, выступивший на лице Кинга.

– Здесь жарко, – вяло произнес Кинг.

Он чувствовал, как его накрахмаленная рубашка набухает от пота. Он понимал, что против него фабрикует дело. И что Грей играет с ним. Про себя он быстро прикинул, не рискнуть ли сбежать, но между ним и окном находился Марлоу, и Грей мог легко поймать его, а бегство означало признание вины.

Он видел Грея, говорящего что-то, и понял, что балансирует между жизнью и смертью.

– Что вы сказали, сэр? – И слово «сэр» не прозвучало оскорбительно, потому что Кинг смотрел на Грея с недоумением.

– Я сказал, что подполковник Селларс сообщил о краже золотого перстня! – злобно повторил Грей.

На мгновение Кинг почувствовал облегчение. Дело вовсе не в «Ронсоне»! Паника из-за ничего! Просто этот чертов перстень Селларса. Он продал его три недели назад по просьбе Селларса и получил мизерную прибыль. Итак, значит, Селларс сообщил о краже? Лживый сукин сын!

– Вот это да, – усмехнувшись, сказал он, – вот это здорово, крепко! Украден. Можете ли вы себе это представить!

– Да, я могу! – резко сказал Грей. – А вы?

Кинг промолчал, но ему хотелось улыбаться. Дело не в зажигалке. Он спасен!

– Вы знаете полковника Селларса? – осведомился Грей.

– Немного, сэр. Я играл с ним в бридж, раз или два. – Сейчас Кинг был совершенно спокоен.

– Он когда-нибудь показывал вам перстень? – неумоимо наступал Грей.

Кинг основательно покопался в памяти. Подполковник Селларс показывал ему перстень дважды. Один раз – когда просил Кинга продать перстень для него, второй раз – когда он ходил оценивать перстень.

– О нет, сэр, – невинно заявил Кинг. Он знал, что он в безопасности. Свидетелей не было.

– Вы уверены, что никогда не видели его? – спросил Грей.

– О да, сэр.

Грею внезапно стало плохо от этой игры в кошки-мышки, и его затошнило от голода из-за яичницы. Он бы сделал все, что угодно, все, что угодно, хотя бы за половину яичницы.

– Не найдется ли у вас огонька, Грей, старина? – спросил Питер Марлоу.

Он не захватил с собой своей кустарной зажигалки. А ему хотелось закурить. Очень хотелось. Его нелюбовь к Грею иссушила ему губы.

– Нет.

«Надо иметь свою зажигалку», – сердито подумал Грей, собираясь уходить. И тут он услышал, как Питер Марлоу говорит Кингу:

– Могу ли я воспользоваться вашей ронсоновской зажигалкой?

Грей медленно повернулся. Марлоу улыбался Кингу.

Казалось, что эти слова повисли в воздухе. Потом раскатились по всем углам хижины.

Потрясенный Кинг стал искать спички, чтобы потянуть время.

– Она в вашем левом кармане, – сказал Марлоу.

И в это мгновение Кинг жил, умер и родился снова.

Люди в хижине не дышали. Потому что им предстояло увидеть, как из Кинга делают отбивную. Им предстояло увидеть, как Кинга поймают, схватят и уведут, что было самой невозможной из всех невозможных вещей. И тем не менее вот Грей, рядом с ним Кинг и человек, который подставил Кинга и положил его, как ягненка, на жертвенник Грея. Кто-то пришел в ужас, кто-то злорадствовал, некоторые были огорчены, а Дино со злостью подумал: «Господи, ведь завтра мой черед охранять ящик!»

– Почему бы тебе не дать ему прикурить? – предложил Грей. Чувство голода прошло, и ему на смену пришло воодушевление. Грей знал, что в списке не было ронсоновской зажигалки.

Кинг вынул зажигалку и дал Питеру прикурить. Пламя, на котором ему предстояло сгореть, было чистым и ровным.

– Благодарю, – улыбнулся Питер Марлоу и только сейчас осознал чудовищность своего поступка.

– Итак, – произнес Грей, забирая зажигалку.

Слово прозвучало торжественно, окончательно и яростно.

Кинг не ответил, потому что не могло быть ответа. Он просто ждал. Сейчас, когда он был приговорен, Кинг не ощущал страха, а только ругал себя за глупость. Человек, который погиб по собственной глупости, не имеет права называться человеком. И не имеет права называться Королем, потому что сильнейшего делает королем не только сила, но и хитрость, сила и удача одновременно.

– Откуда у вас эта штука, капрал? – Вопрос Грея прозвучал ласково.

Желудок Питера Марлоу вывернулся наизнанку, мысль его отчаянно работала, а потом он произнес:

– Зажигалка моя. – Он понимал, что слова его звучат неубедительно, поэтому быстро прибавил: – Мы играли в покер. Я проиграл ее. Как раз перед ланчем.

Грей, Кинг и все остальные уставились на него в изумлении.

– Вы что сделали? – переспросил Грей.

– Проиграл ее, – повторил Марлоу. – Мы играли в покер. У меня был стрит⁷. Расскажите ему! – резко велел он Кингу, отдавая ему инициативу.

Кинг еще не пришел в себя, но реакция его не подвела. Он открыл рот и сказал:

– Мы играли в стад⁸. У меня был фул⁹ и...

– Какой был расклад?

– Двойка на тузах, – вмешался без колебаний Питер Марлоу.

«Что, черт возьми, означает „стад“?» – спрашивал он сам себя.

Кинг вздрогнул, несмотря на замечательную способность к самоконтролю. Он уже собирался сказать «короли или дамы» и знал, что Грей заметил эту дрожь.

– Вы лжете, Марлоу!

⁷ *Стрит* – карты, подобранные подряд по достоинству в покере.

⁸ *Стад* – разновидность покера.

⁹ *Фул* – три и две карты одного достоинства.

– Ну, Грей, старина, что за выражения? – Питер Марлоу тянул время. «Что, черт возьми, означает „стад“?» – Это была трагедия, – заверил Питер Марлоу, наслаждаясь острым ощущением страшной опасности. – Я думал, моя карта сильнее. У меня был стрит. Вот почему я поставил зажигалку. Расскажите вы ему! – резко бросил он Кингу.

– По каким правилам играют в стад, Марлоу?

Тишину разорвал гром, прогремевший на горизонте. Кинг открыл рот, но Грей остановил его.

– Я спросил Марлоу, – угрожающе заявил он.

Питер не знал, что говорить. Он взглянул на Кинга, и, хотя по глазам англичанина ничего нельзя было прочесть, Кинг понял.

– Давайте, – быстро проговорил Марлоу. – Давайте покажем ему.

Кинг немедленно потянулся за картами и без колебания начал:

– Она была у меня в прикупе...

Грей в ярости обернулся:

– Я просил, чтобы Марлоу рассказал мне. Еще одно твоё слово – и я посажу тебя под арест.

Кинг промолчал. Он только молился, чтобы этой зацепки оказалось достаточно.

«Прикупная карта» – запечатлелось в глубинах памяти Марлоу. И он вспомнил. Сейчас он вспомнил правила и начал разыгрывать Грея.

– Ну, – начал он обеспокоенно, – это похоже на любую другую игру в покер, Грей.

– Объясните мне просто, как надо в него играть! – Грей решил, что поймал их на лжи.

Питер Марлоу посмотрел на него жестким взглядом. Яичница начала остывать.

– Что вы пытаетесь доказать, Грей? Любому дураку известно, что четыре карты кладутся рубашкой вниз, а одна наоборот – та, что в прикупе.

Вздых пронёсся по хижине. Грей понял, что уже ничего не может поделать. Его довод должен быть весомее доводов Марлоу, и он знал, что даже здесь, в Чанги, ему надо играть тоньше.

– Ладно, – сказал он угрюмо, переводя взгляд с Кинга на Марлоу. – Любой дурак знает это. – И отдал зажигалку Кингу. – Прослежу, чтобы она была внесена в список.

– Да, сэр. – Сейчас, когда все закончилось, Кинг позволил себе расслабиться.

Грей в последний раз посмотрел на Питера Марлоу – во взгляде его читались одновременно надежда и угроза.

– Старые школьные друзья весьма гордились бы вами сегодня, – бросил он с презрением и пошел к выходу из хижины, сопровождаемый Мастерсом, шаркающим ногами.

Марлоу посмотрел вслед Грею, а когда тот выходил из хижины, обратился чуть громче, чем нужно, к Кингу, по-прежнему следя за Греем:

– Могу я воспользоваться вашей зажигалкой? Моя сигарета погасла.

Но Грей не сбился с шага и не оглянулся. «Надежный парень, – угрюмо подумал Марлоу, – хорошие нервы – надежный товарищ, которого надо иметь рядом с собой в смертельном бою. И враг, которого надо ценить».

Кинг присел. Питер Марлоу забрал зажигалку из его ослабевшей руки и прикурил. Кинг нащупал пачку «Куа», машинально сунул сигарету в рот. Марлоу нагнулся за зажигалкой и щелкнул ею. Кингу понадобилось много времени, чтобы сосредоточить взгляд на пламени, и тогда он увидел, что рука Марлоу трясется так же, как и его собственная. Он обзрел хижину, в которой люди застыли как статуи и не отрываясь глядели на него. Он почувствовал холодок от пота на плечах и влажность рубашки.

Снаружи донеслось звяканье мисок. Дино встал и с надеждой посмотрел на улицу.

– Ланч! – радостно воскликнул он.

Немая сцена закончилась, люди покидали хижину с посудой в руках. Остались только Питер Марлоу и Кинг.

Глава 3

Оба некоторое время сидели молча, приходя в себя. Потом Марлоу сказал нетвердо:

– Боже, нас почти поймали!

– Ага, – согласился Кинг после паузы. Он непроизвольно содрогнулся вновь, потом вынул две десятидолларовые бумажки и положил их на стол. – Вот, – объявил он, – это за сегодня. Но с этого дня вы на довольствии. Двадцать в неделю.

– Что?

– Я буду платить вам двадцать в неделю. – Кинг минуту подумал. – Думаю, вы правы, – добавил он, приятно улыбаясь. – Это стоит большего. Пусть будет тридцать. – Потом бросил взгляд на нарукавную повязку и добавил: – Сэр.

– Вы можете по-прежнему звать меня Питером, – процедил Марлоу раздраженно. – И запомните: я не хочу ваших денег. – Он встал и собрался уходить. – Благодарю за сигарету.

– Эй, подождите-ка минутку! – окликнул удивленный Кинг. – Какой черт в вас вселился?

Питер Марлоу посмотрел на Кинга, и глаза его гневно вспыхнули.

– За кого вы, черт возьми, принимаете меня?! Заберите ваши деньги и засуньте их куда-нибудь!

– Мои деньги чем-нибудь нехороши?

– Нет. Только ваши манеры!

– С какого времени манеры стали иметь что-то общее с деньгами?

Марлоу резко развернулся, чтобы уйти. Кинг вскочил и встал между ним и выходом.

– Минутку, – произнес он напряженно. – Мне кое-что надо узнать. Почему вы покрыли меня?

– Ну, это очевидно, так ведь? Из-за меня вы влипли. Я не мог бросить вас. За кого вы меня принимаете?

– Не знаю. И пытаюсь это выяснить.

– Это была моя ошибка. Извините.

– Вам не за что извиняться! – отрезал Кинг. – Это была моя ошибка. Я повел себя глупо. Это к вам не имеет отношения.

– Не важно. – Лицо Марлоу было таким же холодным, как и его глаза. – Но должно быть, вы считаете меня полным дерьмом, если полагаете, что я позволил бы вас распять. И еще большим дерьмом, если думаете, что я хочу денег от вас за свою неосторожность. Я ни у кого их не беру!

– Присядьте на минутку. Прошу вас.

– Зачем?

– Потому что я хочу поговорить с вами, черт возьми!

У входа топтался Макс с котелками варева для Кинга.

– Прошу прощения, – вставил он осторожно, – вот твой ланч. Хочешь чая?

– Нет. Сегодня Текс ест мой суп. – Кинг взял котелок с рисом и поставил его на стол.

– О'кей, – сказал Макс, по-прежнему пребывая в нерешительности и не понимая, хочет ли Кинг, чтобы кто-нибудь набил морду этому сукину сыну.

– Ладно, Макс. И скажи остальным, чтобы нас оставили одних на минутку.

– Конечно. – Макс согласно удалился.

Он решил, что Кинг поступает очень умно, действуя без свидетелей, если собирается поколотить офицера.

Кинг снова посмотрел на Марлоу:

– Я прошу вас. Сядьте на минутку. Прошу вас.

– Ладно, – холодно согласился Питер.

– Послушайте, – терпеливо начал Кинг, – вы спасли меня от петли, помогли мне, и это будет справедливо, если я помогу вам. Я предложил вам монеты, хотел отблагодарить вас. Если вы не хотите, хорошо, но я не думал обидеть вас. Если обидел, приношу свои извинения.

– Ладно, – смягчился Марлоу. – У меня дурной нрав. Я не понял.

Кинг протянул руку:

– Поладили.

Они пожали руки.

– Вы не любите Грея, правда? – осторожно спросил Кинг.

– Нет.

– Почему?

Питер пожал плечами. Кинг небрежно разделил рис и вручил ему большую часть порции.

– Давайте поедим.

– Ну а вы-то как? – поинтересовался Марлоу, глядя изумленными глазами на свою порцию.

– Я не голоден. У меня пропал аппетит. Господи, чуть было не влипли! Я думал, что нам обоим конец.

– Да, – согласился Марлоу, начиная улыбаться. – Повеселились, не так ли?

– Что?

– Вот это развлечение! Мне кажется, ничего похожего я не переживал за последние годы. Опасное развлечение.

– Я многого в вас не понимаю, – робко заявил Кинг. – Вы хотите сказать, что получили удовольствие от происшедшего?

– Конечно. А вы нет? Я думаю, это почти равносильно ощущению от полета на «спит-файре». Вы понимаете, иногда вам страшно, но и в то же время не страшно, а во время полета и после него вам весело.

– Думаю, вы просто не в себе.

– Если вы не получали удовольствия от этой сцены, тогда какого черта старались утопить меня с помощью стада? Я был почти мертв от страха.

– Я не старался утопить вас. За каким дьяволом мне нужно было топить вас?

– Чтобы сделать игру более острой и проверить меня.

Кинг с мрачным видом вытирал лицо и руки.

– Думаете, я сделал это намеренно?

– Конечно. Я сделал то же самое, когда заставил вас отвечать на вопросы.

– Давайте разберемся откровенно. Вы проверяли мои нервы? – судорожно выдохнул Кинг.

– Конечно, старина, – ответил Марлоу. – Я не понимаю, в чем вопрос.

– Господи! – бросил Кинг, снова покрываясь нервным потом. – Мы едва не сели в тюрьму, а вы развлекаетесь! – Кинг сделал паузу, чтобы совладать с дыханием. – Сумасшествие, чистое сумасшествие, а когда вы заколебались, после того как я подбросил вам зацепку в виде прикупа, я решил, что мы оба покойники.

– Грей тоже так решил. Я с ним просто играл. Я только разделался с ним побыстрее, потому что яичница остывала. А такую яичницу не каждый день встретишь. Честное слово!

– Мне показалось, вы сказали, что яичница нехороша.

– Я сказал, что она неплоха. – Марлоу заколебался. – Послушайте, когда говорят «неплохо», это означает что-то исключительное. Это способ сделать парню комплимент, не смущая его.

– Да вы не в своем уме! Вы рисковали моей головой и своей собственной для того, чтобы увеличить риск, и вы взбеленились, когда я предложил вам денег без всяких условий, и еще вы говорите «неплохо», уверенный, что это замечательно. Боже, – добавил он, ошеломленный, – мне кажется, я туповат или что-то в этом роде.

Он поднял глаза, увидел озадаченное лицо Марлоу и прыснул. Марлоу тоже засмеялся, и вскоре они оба истерически хохотали.

В хижину заглянул Макс, а за ним остальные американцы.

– Кой черт в него вселился? – ахнув, спросил Макс. – Я уж было решил, что он вколачивает грязную голову англичанина в плечи.

– Мадонна! – ахнул Дино. – Сначала Кинга чуть было не изрубили на кусочки, а сейчас он заливается вместе с парнем, который подставил его.

– Чушь какая-то! – В животе у Макса все дрожало с тех пор, как раздался предупредительный свист.

Кинг выглянул из хижины и увидел уставившихся на него людей. Он вытащил начатую пачку сигарет.

– Держи, Макс. Пусти по кругу. Празднуем.

– Здорово! Вот спасибо. – Макс взял пачку. – Красота! Все висело на волоске. Мы все рады за тебя.

Кинг наблюдал за ухмылками людей. Некоторые были добродушными, и он запомнил их, другие улыбались через силу, и это также от него не укрылось. Вслед за Максом все повторяли слова благодарности.

Макс выпроводил всех наружу и начал делить полученное богатство.

– Это шок, – тихо произнес он. – Наверняка. Как от разрыва снаряда. Он в любую минуту оторвет голову англичанину. – Макс посмотрел в сторону хижины, откуда донесся еще один взрыв хохота, и пожал плечами. – Он спятил, и неудивительно.

– Ради бога! – говорил Питер Марлоу, держась за живот. – Давайте поедим. Если я не поем сейчас, то вообще есть не смогу.

И они стали есть. Трапеза прерывалась приступами смеха. Марлоу пожалел, что яичница остыла, но смех согрел кушанье, оно было великолепным.

– Здесь не хватает немного соли, вы так не считаете? – спросил Питер подчеркнуто бесстрастно.

– Смотри-ка, мне тоже так кажется. Я думал, что достаточно посолил. – Кинг нахмурился, повернулся, чтобы взять соль, и тогда заметил прищуренные глаза.

– Что еще, черт возьми? – поинтересовался он, невольно начиная смеяться.

– Господи, это была шутка! У вас, американцев, не очень-то сильно развито чувство юмора, правда?

– Идите к черту! И бога ради, хватит ржать!

Когда они съели яичницу, Кинг поставил вариться кофе на плитку и стал искать сигареты. Потом вспомнил, что отдал их, поэтому присел и отпер черную коробку.

– Эй, попробуйте вот это, – предложил Питер Марлоу, протягивая коробочку с табаком.

– Спасибо, но я не выношу эту дрянь. Она раздражает мне горло.

– Попробуйте. Табак обработан. Я научился этому у яванцев.

Кинг с сомнением взял коробочку. В ней был все тот же дешевый табак, но не обычного соломенно-желтого цвета, а темно-золотой, не сухой, а влажный и плотный; от смеси против ожидания сильно пахло сладким табаком.

Кинг нашел свою пачку рисовой бумаги и взял щедрую щепотку обработанной травы. Он свернул неряшливую самокрутку и отщипнул выступающие концы, небрежно роняя лишний табак на пол.

«Проклятье! – думал Марлоу. – Я предложил ему попробовать, а не хватать столько». Он решил было подобрать остатки табака и положить их обратно в коробочку, но воздержался от этого. «Некоторые вещи делать не пристало», – одернул он себя.

Кинг щелкнул зажигалкой, и они оба ухмыльнулись при виде ее.

Кинг сделал осторожную затяжку, потом еще одну. Потом затянулся глубоко.

– Но ведь это же здорово! – выдохнул он удивленно. – С «Куа» не сравнить... но это... – Он запнулся и поправился: – Я имею в виду, что это неплохо.

– Совсем неплохо, – засмеялся Питер Марлоу.

– Как, черт возьми, вы этого добились?

– Секрет фирмы.

Кинг понял, что держит в руках золотую жилу.

– Я догадываюсь, что это долгий и сложный процесс, – скромно сказал он.

– О, на самом деле это очень просто. Вы пропитываете необработанный табак чаем, потом отжимаете. Затем посыпаете небольшим количеством белого сахара и все перемешиваете, а когда смесь пропитается сахаром, аккуратно жарите табак на сковородке на малом огне. Постоянно перемешивайте смесь или она будет испорчена. Вам надо не пропустить момент, когда смесь будет готова. Она должна быть не слишком сухая и не слишком влажная.

Кинг был удивлен, что Питер Марлоу так просто выложил ему способ изготовления, не обговорив предварительно условий сделки. «Он, – думал Кинг, – конечно, только распаляет мой аппетит. Не может быть, чтобы все делалось так просто, иначе все бы делали это. А он, вероятно, понимает, что я единственный, с кем можно проверить такое дело».

– И все? – спросил Кинг, улыбаясь.

– Да. Тут и вправду нечего добавить.

Кинг представил, как можно наладить процветающее дело. И при этом законное.

– Думаю, каждый в вашей хижине так обрабатывает табак.

Марлоу покачал головой:

– Я делаю его только для своей группы. Месяцами я водил их за нос, рассказывая разного рода байки, но они так и не смогли разузнать, как именно нужно это делать.

Кинг растянул рот в улыбке:

– Тогда вы единственный, кому известен этот способ!

– Да нет, – ответил Марлоу, и сердце Кинга упало. – Это туземный способ. Он известен по всей Яве.

Кинг просветлел:

– Но здесь-то никто его не знает, верно?

– Понятия не имею. Я, право, об этом никогда и не задумывался.

Кинг пускал дым из ноздрей, перебирая в уме возможности. «Да, – сказал он сам себе, – у меня сегодня и вправду удачный день».

– Вот что я скажу вам, Питер. У меня к вам деловое предложение. Вы покажете, как это точно делается, а я беру вас в долю... – Кинг заколебался. – Десять процентов.

– Что?

– Ладно. Двадцать пять.

– Двадцать пять?

– Ладно, – согласился Кинг, глядя с растущим уважением на Марлоу. – С вами трудно договориться, и это замечательно. Я организую все дело. Мы будем закупать оптом. Нам предстоит развернуть производство. Вы будете следить за выпуском, а я буду заниматься сбытом. – Он протянул руку. – Мы будем партнерами, прибыль точно поровну, пятьдесят на пятьдесят. Договорились?

Марлоу уставился на руку Кинга. Потом посмотрел ему в лицо.

– Нет, не договорились! – решительно сказал он.

– Черт побери! – взорвался Кинг. – Это самое выгодное предложение, которое вам когда-либо делали. Что может быть выгоднее? Я вкладываю монеты. Мне придется... – Неожиданная мысль заставила его запнуться. – Питер, – помолчав, начал он, обиженный, но не показывающий этого внешне, – никто не должен знать, что мы партнеры. Вы только покажете мне, как это делается, а я прослежу за тем, чтобы вы получали свою долю. Вы можете доверять мне.

– Я знаю это, – кивнул Марлоу.

– Тогда пятьдесят на пятьдесят. – Кинг просиял.

– Нет, не пойдет.

– Боже, – протянул Кинг, почувствовав, что напряжение растет. Но он сдержал себя и подумал о сделке. И чем больше он думал... Он оглянулся по сторонам, чтобы убедиться в том, что никто не подслушивает. Потом понизил голос и хрипло сказал: – Шестьдесят на сорок. Я никому другому ничего подобного бы не предложил. Шестьдесят на сорок – вот так.

– Нет, не согласен.

– Нет?! – взорвался потрясенный Кинг. – Мне ведь надо что-то заработать на сделке. Что, черт возьми, вы хотите получить?! Сразу наличными?

– Я не хочу ничего, – ответил Питер Марлоу.

– Ничего? – Кинг устало сел, ошарашенный.

Питер Марлоу был озадачен.

– Вы знаете, – сказал он нерешительно, – я не понимаю, почему вас так волнуют некоторые вещи. Этот способ обработки не мой, и я не могу его продавать. Это простой туземный способ. Я не могу ничего с вас брать. Это было бы неправильно. Совершенно. И в любом случае я... – Тут Марлоу запнулся и быстро спросил: – Вы хотите, чтобы я вам сейчас его показал?

– Минутку. Вы имеете в виду, что ничего не просите у меня за показ способа? Ведь я предложил вам сделку шестьдесят на сорок! Ведь я сказал вам, что могу заработать на сделке! – (Марлоу кивнул.) – Это сумасшествие, – беспомощно заключил Кинг. – Что-то не так. Я не понимаю.

– Нечего понимать, – произнес Марлоу, едва заметно улыбаясь. – Считайте, что у вас солнечный удар.

Некоторое время Кинг рассматривал его:

– Ответите вы прямо на прямой вопрос?

– Да, конечно.

– Это из-за меня, да?

Слова повисли в жарком воздухе.

– Нет, – изрек Марлоу, нарушая тишину.

Оба они говорили друг другу правду.

Часом позже Питер Марлоу следил за тем, как Текс приготавливает вторую партию табака. На этот раз Текс делал это без его помощи, а Кинг кудachtал вокруг, как старая курица.

– Вы уверены, что он положил достаточно сахара? – беспокойно спросил Кинг у Марлоу.

– Совершенно достаточно.

– Через какое время табак будет готов?

– Ты как считаешь, Текс?

Текс улыбнулся Марлоу и распрямился во весь свой нескладный рост, равный шести футам трем дюймам.

– Через пять, может, через шесть минут.

Марлоу встал:

- Где у вас тут «одно место»?
- Уборная? Сзади, – показал Кинг. – Но не могли бы вы потерпеть, пока Текс не закончит? Я хочу убедиться, что он все правильно сделает.
- Текс замечательно справляется, – ответил Марлоу и вышел.
- Когда он вернулся, Текс снял сковородку с плитки.
- Готово, – нервно произнес он и посмотрел на Марлоу, чтобы убедиться, правильно ли оценил готовность.
- Совершенно правильно, – успокоил Марлоу, рассматривая обработанный табак.
- Кинг возбужденно свернул самокрутку из рисовой бумаги. То же сделали Марлоу и Текс. Они прикурили от ронсоновской зажигалки. Снова облегченно рассмеялись. Потом наступила тишина, потому что каждый из них оценивал качество.
- Очень хороший, – решительно сказал Марлоу. – Я же говорил тебе, что это совсем просто, Текс.
- Текс вздохнул с облегчением.
- Совсем неплохо, – задумчиво проговорил Кинг.
- Проклятье, что ты говоришь?! – вспыхнул Текс. – Он чертовски хорош!
- Марлоу и Кинг зашлись в хохоте. Они объяснили почему, и Текс тоже стал хохотать.
- Нам надо придумать название марки табака. – Кинг помолчал. – Придумал. Как насчет того, чтобы назвать табак «Три короля»? Один король в честь Королевских ВВС, другой – в честь Текса, техасского короля, а один – в мою честь.
- Неплохо, – одобрил Текс.
- Мы откроем производство завтра утром.
- Я завтра на работах, – покачал головой Текс.
- Черт с ними! Я пошлю Дино вместо тебя.
- Не стоит. Я попрошу его сам. – Текс встал и улыбнулся Марлоу. – Рад был познакомиться с вами, сэр.
- Забудьте слово «сэр», хорошо? – попросил Марлоу.
- Конечно. Спасибо.
- Марлоу проследил, как тот уходит.
- Забавно, – тихо сказал он Кингу. – Я никогда раньше не видел столько улыбок в одной хижине.
- Почему бы не улыбаться? Все могло быть гораздо хуже. Вас сбили, когда вы летали над хребтом?
- Вы имеете в виду трассу Калькутта – Чунцин? Над Гималаями?
- Да. – Кинг кивнул в сторону коробочки для табака. – Наполните ее.
- Спасибо. Я сделаю это, если вы не против.
- Когда окажетесь без табака, приходите в любое время и угощайтесь.
- Благодарю вас, я так и поступлю. Вы очень добры. – Марлоу захотелось еще раз закурить, но он понимал, что курит слишком много. Если он закурит еще раз, голод будет чувствоваться болезненнее. Лучше потерпеть. Он посмотрел на закат и дал себе слово, что не закурит раньше, чем тень сдвинется на два дюйма. – Меня не сбили. Мой самолет повредили, когда был налет на Яву. Я не смог подняться. Очень обидно, – добавил он, пытаясь скрыть горечь.
- Это не так уж и плохо, – утешил Кинг. – Вы могли быть в самолете. Вы живы, а это самое главное. На чем вы летали?
- На «харрикейне». Это одноместный истребитель. Но мой обычный самолет был «спит» – «спитфайр».
- Я слышал о них, но никогда не видел. Вы, ребята, наверняка вызывали у немцев тошноту?

– Да, – мягко согласился Марлоу. – Мы уж старались.

– Вы ведь не принимали участия в Битве за Британию? – Кинг был удивлен.

– Нет. Я получил свои крылышки в сороковом. Как раз вовремя.

– Сколько лет вам было?

– Девятнадцать.

– Хм, глядя на вас, я уж было решил, что вам по крайней мере тридцать восемь, а не двадцать четыре!

– Да ладно, братец! – рассмеялся Марлоу. – Сколько вам лет?

– Двадцать пять. Сукин сын, – сказал Кинг. – Лучшие годы жизни, а я заперт в этой вонючей тюрьме.

– Непохоже, что вы заперты. И мне кажется, что вам совсем неплохо.

– Как ни считай, а мы все-таки под замком. Как долго это еще продлится?

– Мы заставили немцев отступить. Это представление скоро закончится.

– Вы верите в это?

Питер Марлоу пожал плечами. «Осторожно, – сказал он себе, – ты никогда не был достаточно осторожен».

– Да, я так думаю. По слухам никогда нельзя судить.

– А наша война? Как насчет нас?

Поскольку вопрос был задан другом, Марлоу говорил не опасаясь.

– Думаю, наша война будет длиться вечность. Ну, япошек мы, конечно, разобьем, в этом я сейчас уверен. Но что касается нас, здесь? Не думаю, что мы выберемся.

– Почему?

– Ну, я не считаю, что японцы когда-нибудь сдадутся. Это означает, что нам придется высаживаться на их острова. А когда это случится, мне кажется, они нас всех здесь уберут. Если болезни не прикончат нас к тому времени.

– За каким чертом им это надо?

– Чтобы сэкономить время. Думаю, по мере того как сети станут сходитьсь вокруг Японии, япошки начнут втягивать свои щупальца. Зачем тратить время на несколько тысяч пленных? Япошки совершенно по-иному, чем мы, относятся к жизни. А мысль о том, что наши войска находятся на их территории, сведет их с ума. – Голос Питера звучал невыразительно и спокойно. – Думаю, наша песенка спета. Надеюсь, конечно, что ошибаюсь. Но думаю, именно так и будет.

– Ну и обнадежил, сукин сын, – кисло пробормотал Кинг и, когда Марлоу рассмеялся, сказал: – Над чем, черт побери, вы смеетесь? Кажется, вы всегда смеетесь не там, где надо.

– Простите, плохая привычка.

– Давайте посидим на улице. Мухи замучили. Эй, Макс! – позвал Кинг. – Не хочешь ли прибраться?

Появился Макс и занялся уборкой, а Кинг и Марлоу легко вылезли в окно. Непосредственно под окном Кинга стояли столик и скамейка под навесом из брезента. Кинг сел на скамейку. Марлоу уселся на корточки по туземному обычаю.

– Никогда не мог так сесть, – заметил Кинг.

– Очень удобно. Я привык на Яве.

– Как это вы научились так хорошо говорить по-малайски?

– Некоторое время я жил в деревне.

– Когда?

– В сорок втором году. После прекращения огня.

Кинг терпеливо ждал продолжения, но больше ничего сказано не было. Он подождал еще, потом спросил:

– Как получилось, что вы жили на Яве в деревне после прекращения огня в сорок втором году, если к тому времени все были в лагере для военнопленных?

Марлоу от души рассмеялся:

– Извините. Не о чем особенно рассказывать. Мне пришлось не по вкусу мысль о лагере. На самом деле, когда война закончилась, я заблудился в джунглях и случайно набрел на эту деревню. Меня пожалели. Я прожил там месяцев шесть.

– И как там было?

– Прекрасно. Туземцы очень добры. Я был одним из них. Одевался, как яванец, покрасил кожу в темный цвет – вы понимаете, глупость, конечно, потому что мой рост и глаза выдали бы меня, – работал на рисовых полях.

– Вы там были в одиночестве?

Помолчав, Марлоу сказал:

– Я был там единственным европейцем, если вы это имеете в виду.

Он окинул взглядом лагерь: тусклое солнце пробивалось сквозь пыль и ветер, подхватывающий и крутивший вихри этой пыли. Эти вихри напомнили ему о ней.

Он посмотрел на восток, на беспокойное небо. И она была частью неба. Поднялся небольшой ветер и покачал верхушками кокосовых пальм. И она была частью ветра, пальм и облаков над ними.

Питер Марлоу отогнал эти мысли и стал следить, как за проволокой бредет корейский солдат, обливаясь потом в остывающем пекле. Форма часового была потрепанной и грязной, а фуражка такой же помятой, как и его лицо; винтовка косо висела за спиной. Он был настолько некрасив, насколько прекрасна была она.

Марлоу еще раз посмотрел наверх, оглядывая небесную даль. Только тогда он чувствовал себя свободным – свободным от замкнутого пространства, наполненного мужчинами, мужскими запахами, мужской грязью и мужскими разговорами. «Без женщин, – беспомощно думал Марлоу, – мужчины становятся лишь безжалостной пародией на человека».

И сердце его обливало кровью в этом солнечном пекле.

– Эй, Питер! – Кинг смотрел на склон холма, рот его был широко раскрыт от изумления.

Марлоу посмотрел в направлении взгляда Кинга, и его передернуло, когда он заметил приближающегося Шона.

– Боже! – Он хотел прошмыгнуть в окно и скрыться, но понял, что это вызовет еще больше подозрений. Поэтому он мрачно ждал, едва дыша. Ему показалось, что у него есть хороший шанс остаться незамеченным, потому что Шон был глубоко поглощен разговором с командиром эскадрильи Родриком и лейтенантом Фрэнком Пэрришем. Они склонили головы и что-то серьезно обсуждали.

Потом Шон посмотрел мимо Фрэнка в сторону и, увидев Марлоу, остановился.

Родрик и Фрэнк тоже остановились. Они все встревожились, но ничем эту тревогу не выдали.

– Привет, Питер! – крикнул Родрик. Он был высоким аккуратным человеком с тонкими чертами лица, настолько же высоким и опрятным, насколько Фрэнк был высоким и неряшливым.

– Привет, Род! – ответил Марлоу.

– Я мигом, – тихо бросил Шон Родрику и пошел к Кингу и Питеру Марлоу. Сейчас, когда первое потрясение прошло, Шон приветливо улыбался.

Марлоу почувствовал прилив ярости. Он поднялся и стал ждать. Он чувствовал, как глаза Кинга сверлят его.

– Привет, Питер, – произнес Шон.

– Привет, Шон.

– Ты такой худой, Питер.

– А я и не знал. Но не более, чем остальные. Я совершенно здоров. Спасибо.

– Я так давно не видел тебя. Почему ты не зайдешь в театр? Там всегда можно пере-хватить что-нибудь поесть, ты же знаешь меня, я никогда не ем много. – Шон обнадеживающе улыбнулся.

– Благодарю, – выдавил из себя Питер Марлоу, мучаясь от смущения.

– Я знаю, что ты не придешь, – грустно сказал Шон, – но тебе там всегда рады. – (Наступила пауза.) – Я ни разу тебя больше не видел.

– О, ну ты же понимаешь, как обстоят дела, Шон. Ты занят во всех представлениях, а у меня все хорошо, я занят на работах и разными прочими делами.

Как и Марлоу, Шон был в саронге, но не заношенном и сильно вылинявшем, как у Питера, а в новом, белого цвета, с каймой, расшитой голубым и серебряным узором. И еще на Шоне был баджу – жакет с короткими рукавами, заканчивающийся у талии, плотно подогнанный и подчеркивающий выпуклости груди. Кинг зачарованно уставился в наполовину распахнутый вырез баджу.

Шон заметил Кинга, бледно улыбнулся, поправил прическу, слегка растрепанную ветром, и забавлялся тем, как Кинг смотрел на него. Шон усмехался, про себя испытывая возбуждение, в то время как лицо Кинга вспыхнуло краской.

– Э, жарковато становится, а? – промямлил Кинг, чувствуя себя неловко.

– Думаю, да, – любезно сказал Шон, не страдающий от жары и, как всегда, не потеющий, даже если жара нестерпима.

Наступило молчание.

– Да, прости, – произнес Марлоу, увидев, как Шон смотрит на Кинга и терпеливо ждет, чтобы его представили. – Ты знаком...

– Боже мой, Питер, – рассмеялся Шон, – ты в расстроенных чувствах. Конечно же, я знаю, кто твой друг, хотя мы никогда не встречались. – Шон протянул руку. – Как поживаете? Познакомиться с Кингом – такая честь!

– Э-э-э, спасибо, – пробормотал Кинг, едва касаясь руки, такой маленькой по сравнению с его собственной. – Хотите... э-э-э... закурить?

– Спасибо, но я не курю. Но если вы не против, я возьму сигаретку. Даже две, если можно? – Шон кивнул в сторону тропинки. – Род и Фрэнк курят, и я знаю, что они будут рады.

– Конечно, – сказал Кинг. – Конечно.

– Благодарю. Очень мило с вашей стороны.

Вопреки своему желанию Кинг почувствовал тепло улыбки Шона. Вопреки самому себе он сказал, что думал:

– Вы были великолепны в «Отелло».

– Спасибо, – оживился Шон. – Вам понравился «Гамлет»?

– Да. А я никогда особенно не увлекался Шекспиром.

– Это в самом деле похвала, – радостно улыбнулся Шон. – Мы сейчас ставим новую пьесу. В основном она написана Фрэнком и должна получиться очень смешной.

– Даже если она самая обыкновенная, то будет знаменитой, а вы будете великолепны, – польстил Кинг, чувствуя себя более непринужденно.

– Как мило с вашей стороны. Спасибо. – Шон посмотрел на Марлоу, и глаза его еще сильнее заблестели. – Но боюсь, Питер не согласен с вами.

– Хватит, Шон! – резко проговорил Марлоу.

Шон не смотрел на Марлоу, он не отводил взгляда от Кинга и улыбался, но под улыбкой таилась ярость.

– Питеру я не нравлюсь.

– Хватит, Шон! – оборвал его Марлоу.

– Почему? – разразился Шон. – Ты презираешь людей с отклонениями, – кажется, так ты называешь гомосексуалистов? Ты выразил свое отношение совершенно ясно. А я не забыл!

– И я тоже!

– Ну вот это уже что-то! Мне не нравится, когда меня презирают, и менее всего, когда презираешь меня ты!

– Я сказал, хватит! Сейчас не время и не место. И мы это уже обсуждали, и ты все высказал прежде. Я извинился. Я не хотел тебя обидеть!

– Да. Но ты по-прежнему ненавидишь меня. Почему? Почему?

– Это не так.

– Тогда почему ты всегда избегаешь меня?

– Так лучше. Ради бога, Шон, оставь меня в покое.

Шон уставился на Марлоу, а потом успокоился так же внезапно, как рассердился.

– Извини, Питер. Ты, вероятно, прав. Я глупо себя веду. Это просто потому, что время от времени мне бывает одиноко. Хочется просто поговорить.

Шон потянулся и дотронулся до руки Марлоу:

– Извини. Я хотел, чтобы мы снова стали друзьями.

Питер Марлоу ничего не мог ответить.

– Ну, я думаю, мне лучше уйти, – замялся Шон.

– Шон, – окликнул его Родрик с тропинки, – мы уже опаздываем.

– Сейчас приду. – Шон еще раз посмотрел на Марлоу, потом вздохнул и протянул руку Кингу. – Рад был встретиться с вами. Прошу извинить мое дурное поведение.

Кингу не удалось избежать повторного рукопожатия.

– Рад был познакомиться с вами.

Шон колебался, глаза его были сумрачными и ищущими.

– Вы друг Питера?

Кинг почувствовал, что все услышали, когда он, запинаясь, произнес:

– Э-э-э, конечно, да, думаю, что так.

– Странно, не правда ли, что одно и то же слово имеет столько значений? Но если вы его друг, то не сбивайте его, пожалуйста, с пути истинного. У вас дурная репутация, а я бы не хотел, чтобы у Питера были неприятности. Я очень люблю его.

– Э-э-э, да, конечно. – Колени Кинга были ватными, спины он не чувствовал. Но обаяние улыбки Шона пронизывало его насквозь. Ничего похожего он раньше не испытывал. – Представления – это лучшее, что есть в лагере, – сказал он. – Здорово скрашивают жизнь. А вы – лучшее, что есть там.

– Спасибо. – Шон повернулся к Марлоу. – Это действительно делает жизнь стоящей. Я очень рад. И мне нравится в них участвовать. Питер, это действительно делает жизнь стоящей.

– Да, – согласился раздраженный Марлоу. – Я рад, что все в порядке.

Шон в последний раз нерешительно улыбнулся и, быстро повернувшись, поспешно ушел.

– Будь я проклят! – Кинг сел.

Марлоу тоже сел. Он достал коробочку с табаком и свернул сигарету.

– Если бы не знать, что он мужчина, можно было бы поклясться, что это женщина, – заявил Кинг. – Красивая женщина. – (Марлоу устало кивнул.) – Он не похож на остальных трудяг, – рассуждал Кинг, – это совершенно точно. Нет, сэр. Совсем не похож. Боже, в нем есть что-то, чего не... – Кинг запнулся, попытался найти слово и беспомощно продолжил: – Не знаю, как сказать. Он... он, черт побери, женщина! Помните, как он играл Дездемону? Боже мой, да готов поспорить, что от его вида в женском наряде у каждого парня в Чанги ста-

новилося тесно в штанах. Нельзя винить человека за то, что его вводят в соблазн. Я соблазнен, как и другие. И если мужчина говорит обратное, то наверняка врет. – Потом Кинг поднял глаза на Марлоу и внимательно стал рассматривать его.

– О, бога ради! – раздраженно бросил Марлоу. – Вы что, считаете меня тоже гомиком?

– Нет, – спокойно ответил Кинг. – Мне, вообще-то, все равно. По крайней мере настолько, насколько меня это касается.

– Ну так я не гомик.

– Звучит чертовски убедительно, – с ухмылкой заметил Кинг. – Что, поссорились с любовником?

– Убирайтесь к дьяволу!

Спустя минуту Кинг вкрадчиво спросил:

– Вы давно знаете Шона?

– Он был в моей эскадрилье, – неохотно признал Марлоу, – и я был выделен приглядывать за ним. Я очень близко узнал его. – Он погасил горящий кончик своей сигареты и высыпал остатки табака в коробочку. – Короче говоря, он был моим лучшим другом и очень хорошим летчиком. – Питер посмотрел на Кинга. – Он мне очень нравился.

– Был ли он таким прежде?

– Нет.

– О, я понимаю, что в то время он не одевался как женщина, но, черт возьми, должны же были проявляться его склонности.

– Шон никогда так себя не вел. Он был очень красивым, ласковым парнем. В нем не было ничего от женщины, просто он отличался некоторым... состраданием.

– Вы видели его когда-нибудь голым?

– Нет.

– Это существенно. Никто другой не видел тоже. Даже полураздетым.

Шону была отведена в театре отдельная клетушка. Никто другой в Чанги такой привилегией не пользовался. Даже Кинг. Но Шон никогда не спал там. Мысль о Шоне, который один в комнате с замком на двери, была слишком опасной: многие в лагере не скрывали своей похоти, а у остальных она была готова выплеснуться наружу. Поэтому Шон спал всегда в одной из хижин, но переодевался и мылся в отдельной комнате.

– Что произошло между вами? – спросил Кинг.

– Я чуть было не убил его. Однажды.

Разговор внезапно прекратился. Оба собеседника внимательно прислушались. До них донеслось что-то вроде вздоха, неясного ощущения. Кинг быстро оглянулся по сторонам. Не увидев ничего необычного, он встал и влез в окно. Марлоу последовал за ним. Мужчины в хижине тоже прислушивались. Кинг пристально посмотрел в направлении угла тюремного здания. Вроде бы все было в порядке. Пленные по-прежнему сновали туда-сюда.

– В чем дело? – тихо спросил Кинг.

– Не знаю, – ответил, прислушиваясь, Марлоу.

Люди по-прежнему перемещались по лагерю, но несколько проворнее.

– Эй, посмотрите-ка! – прошептал Текс.

К ним вверх по склону, огибая угол тюрьмы, шел капитан Браф. Следом появились другие офицеры, направлявшиеся к хижинам, где содержался рядовой состав.

– Могут быть неприятности, – кисло заметил Текс.

– Возможно, это обыск, – предположил Макс.

В мгновение ока Кинг встал на колени, отпирая черную коробку. Марлоу торопливо бросил:

– Увидимся позже.

– Держите, – сказал Кинг, бросая ему пачку. – Ну а увидимся вечером, если хотите.

Марлоу выскочил из хижины и побежал вниз по склону. Кинг выдернул трое наручных часов, которые были спрятаны в кофейных зернах. Минуту подумав, он встал на стул и запихал часы в листья на крыше. Он знал, что все видели его новый тайник, но ему было все равно, потому что с этим теперь ничего нельзя было сделать. Потом он запер черную коробку, и в этот момент в дверях появился Браф.

– Ладно, парни, давайте выходите.

Глава 4

Питер Марлоу думал только о своей фляге с водой, пока проталкивался через потный муравейник пленных, строящихся вдоль асфальтированной дороги. Он изо всех сил пытался вспомнить, наполнил ли флягу, но ни в чем не был уверен.

Он взбежал по ступенькам в хижину. Но хижина уже была пуста, а в дверях стоял грязный корейский охранник. Марлоу знал, что ему не позволят пройти, поэтому развернулся, нырнул под свес крыши и перебежал к другому входу в хижину. Он успел проскочить к своей койке и схватить флягу до того, как его заметил охранник.

Кореец мрачно выругался, подошел и знаком приказал положить флягу обратно. Но Питер Марлоу торжественно отдал ему честь и заговорил на малайском, который понимали многие охранники:

– Здравствуйте, господин. Возможно, нам придется долго ждать, и я прошу вас разрешить мне взять мою флягу, потому что у меня дизентерия. – Говоря это, он потряс флягу. Она была полной.

Охранник вырвал флягу у него из рук и подозрительно обнюхал ее. Потом вылил немного воды на пол, сунул флягу Марлоу, снова обругал его и показал рукой на выстроившихся на улице людей.

Марлоу поклонился, чувствуя облегчение, и побежал в строй к своей группе.

– Питер, где тебя черти носили? – спросил Спенс, раздраженный приступами дизентерии.

– Все в порядке, я здесь. – Сейчас, когда у Марлоу была его фляга, он настроился легкомысленно. – Давай, Спенс, строй ребят, – сказал он, подначивая.

– Иди к черту! Парни, стройтесь! – Спенс пересчитал людей и потом спросил: – Где Бонэ?

– В госпитале, – объяснил Эварт. – Ушел туда сразу после завтрака. Я сам отвел его.

– Почему, черт возьми, ты мне раньше об этом не сказал?!

– Ради бога, я проработал весь день на огородах! Цепляйся к кому-нибудь другому!

– Да успокойся ты, черт побери!

Но Питер Марлоу не слушал ругательства, болтовню и сплетни. Он надеялся, что полковник и Мак тоже прихватили свои фляги.

Когда группа была пересчитана, капитан Спенс подошел к полковнику Селларсу, который лично нес ответственность за четыре хижины, и козырнул:

– Шестьдесят четыре человека, как и должно быть, сэр. Девятнадцать здесь, двадцать три в госпитале, двадцать два на работах.

– Хорошо, Спенс.

Когда Селларс получил данные по своим четырем хижинам, он передал их полковнику Смедли-Тейлору, отвечающему за десять хижин. Потом Смедли-Тейлор сообщил свои итоги дальше. Следующий офицер довел их до сведения своего начальства, и эта операция повторялась по всему лагерю, внутри тюрьмы и вне ее до тех пор, пока общие данные не доходили до коменданта лагеря. Тот сложил количество людей в лагере с количеством людей в госпитале и количеством пленных, занятых на работах, а потом доложил общие цифры капитану Ёсимае, японскому представителю. Ёсимае обругал коменданта лагеря, так как в списке не хватало одного человека.

Паника на час охватила лагерь, пока отсутствующего человека не нашли на кладбище. Полковник Рофер из Королевской медицинской службы накинулся на своего помощника, полковника Кеннеди, который пытался объяснить, как трудно быстро составить отчет, после чего полковник Рофер обругал его вторично и сказал, что это является его обязанностью.

Потом Рофер отправился с повинной к коменданту лагеря, который выбрал его за плохую работу, а комендант лагеря, в свою очередь, пошел к Ёсима и постарался вежливо объяснить, что человек был найден, но трудно без задержки выдавать правильные цифры. А Ёсима обругал коменданта за плохую работу и напомнил о его ответственности: если он не умеет уследить за несложными расчетами, возможно, пришла пора возложить на какого-нибудь другого офицера обязанность коменданта лагеря.

Пока строй пленных то тут, то там взрывался раздражением, корейские охранники обыскивали хижины, особенно офицерские. В них, по мнению охраны, был спрятан радиоприемник – связующая ниточка с живым миром, надежда людей. Охране хотелось найти приемник, как пять месяцев назад, когда один обнаружили-таки. Но и охрана, и пленные изнемогали от жары, и обыск был поверхностным.

Пленные обливались потом и отчаянно ругались. Несколько человек упали в обморок. Дизентерийные больные вереницей бегали в уборные. Те, которым было очень плохо, садились где были на корточки или ложились на землю, отдаваясь боли. Здоровые не замечали вони. Она стала привычной, как привычны были непрерывное снование в уборные, да и сам процесс ожидания.

Через три часа обыск закончился. Людей распустили. Они хлынули в хижины и в тень, задышавшись, улеглись на койки или отправились в душевые, раздраженно дожидаясь, пока вода не снимет головную боль.

Питер Марлоу вышел из душа. Он обмотал саронг вокруг пояса и направился в бетонное бунгало, где жили его друзья, его группа.

– Puki 'mahlu! – ухмыльнулся Мак.

Майор Маккой был упрямым шотландцем невысокого роста с хорошей выправкой. Двадцать пять лет, проведенных в джунглях Малайзии, оставили глубокие следы на его лице, свое дело сделали и любовь к выпивке, и нескончаемая карточная игра, и приступы лихорадки.

– 'Mahlu senderis, – ответил Питер Марлоу, с удовольствием присаживаясь на корточки.

Малайские непристойности всегда забавляли его. Это выражение не поддавалось дословному переводу на английский, потому что «puki» означало определенную часть женского тела, а «mahlu» – «срамной».

– Ублюдки, неужели вы не можете хоть один раз поговорить на хорошем английском? – сказал полковник Ларкин.

Он лежал на своем матрасе на полу. Ларкин задышался из-за жары, а голова болела после перенесенной малярии.

Мак подмигнул Питеру Марлоу:

– Мы все время ему объясняем, но в его тупую башку ничего не лезет. Полковник безнадежен!

– Верно, приятель, – согласился Питер Марлоу, копируя австралийское произношение Ларкина.

– За каким чертом я с вами двумя связался, – устало простонал Ларкин, – я так и не пойму.

Мак ухмыльнулся:

– Потому что он лентяй, правда, Питер? Мы с вами всю работу делаем, а он сидит и притворяется, что встать не может, и все из-за того, что у него легкий приступ малярии.

– Puki 'mahlu! И дайте мне попить, Марлоу.

– Слушаюсь, сэр, господин полковник! – Он протянул Ларкину свою флягу с водой. Когда Ларкин увидел ее, то улыбнулся, преодолевая боль.

– Все в порядке, дружище Питер? – тихо спросил он.

– Да. Господи, я на какое-то время голову потерял!

– Мы с Маком тоже.

Ларкин отхлебнул воды и бережно вернул флягу.

– Вы хорошо себя чувствуете, полковник? – Питера Марлоу смутил цвет лица Ларкина.

– Проклятье! – проворчал Ларкин. – Нет ничего, что не могла бы вылечить бутылка пива. Завтра поправлюсь.

Питер Марлоу кивнул.

– Лихорадка у вас, по крайней мере, прошла, – отметил он, потом с подчеркнутой небрежностью вытащил пачку «Куа».

– Бог мой! – одновременно ахнули Мак и Ларкин.

Марлоу вскрыл пачку и дал каждому по сигарете:

– Подарок от Санта-Клауса!

– Где вы, черт возьми, их взяли, Питер?!

– Подождите, давайте немножко покурим, – мрачно сказал Мак, – перед тем как услышим плохие новости. Он, возможно, продал наши тюфяки или что-нибудь в этом роде.

Марлоу рассказал им про Кинга и Грея. Они слушали с растущим изумлением. Затем Питер поведал историю с обработкой табака, они молча ловили каждое слово, пока он не упомянул про предложенные ему проценты.

– Шестьдесят и сорок! – радостно выпалил Мак. – Шестьдесят и сорок, о бог мой!

– Да, – подтвердил Питер Марлоу, неправильно истолковав реакцию Мака. – Представьте себе! Так или иначе, я просто показал ему, как это делается. Кажется, он удивился, когда я ничего не взял взамен.

– Вы отдали способ даром? – Мак был ошеломлен.

– Конечно. Что-нибудь не так, Мак?

– Почему?

– Ну, я не мог вступать в сделку. Марлоу не торговцы. – Питер говорил так, будто имел дело с маленьким ребенком. – Это просто невозможно, старина.

– Бог мой, да у вас была прекрасная возможность заработать, и вы ее отвергли с тупой ухмылкой. Я полагаю, вам ясно, что, если бы за этим делом стоял Кинг, у вас хватило бы денег, чтобы покупать удвоенные пайки с сегодняшнего дня и до Страшного суда. Почему вы, черт побери, не держали рот на замке, и не рассказали мне, и не дали мне возможности...

– О чем вы говорите, Мак? – резко вмешался Ларкин. – Парень все сделал верно. Зачем ему связываться с Кингом?

– Но...

– Ничего, кроме этого! – отрезал Ларкин.

Мак мгновенно остыл, ругая себя за вспышку. Он вымученно рассмеялся:

– Я просто разыгрывал вас, Питер.

– Вы уверены, Мак? Бог мой, – грустно произнес Марлоу. – Я что, сглупил? Я не мог позволить себе унизиться.

– Да нет, паренек, это я просто так, шутил. Расскажите-ка нам, что еще было.

Питер Марлоу поведал им о том, что произошло, все время задавая себе вопрос, не допустил ли он какой-нибудь ошибки. Мак был его лучшим другом, практичным, никогда не терявшим самообладания. Он рассказал им про Шона, а когда закончил, то почувствовал себя лучше. Потом он ушел. Была его очередь кормить кур.

Когда он вышел, Мак сказал Ларкину:

– Черт... я виноват. Не из-за чего было срываться.

– Не вините себя, приятель. Он витает в облаках. У этого парня несколько странные представления. Никогда нельзя угадать наверняка. Может быть, Кингу все-таки пригодятся его способности.

– Ага, – задумчиво изрек Мак.

Питер Марлоу нес котелок, полный обрывков листьев. Он прошел мимо уборных к клеткам, где держали кур для лагеря.

Там были и большие клетки, и маленькие, клетка для одной тощей курицы и большая клетка для ста тридцати кур – они были собственностью всего лагеря. Яйца от этих кур шли в общий котел. Другие клетки принадлежали отдельным группам или составляли собственность нескольких групп, которые объединяли свои средства. Только Кинг был единоличным владельцем.

Клетку для кур группы Питера Марлоу построил Мак. В ней находилось три курицы – богатство группы. Ларкин купил этих кур семь месяцев назад, когда в группе была продана последняя ценная вещь – золотое обручальное кольцо Ларкина. Он не хотел расставаться с кольцом, но в то время Мак был болен и у Марлоу была дизентерия, а за две недели до этого лагерный рацион снова урезали. И поэтому Ларкин продал кольцо. Но не через Кинга, а через одного из своих людей, Тайни Тимсена, австралийского торговца. На эти деньги было куплено четыре курицы у китайца, который получил у японцев право торговать в лагере, а вместе с курами – две банки сардин, две банки сгущенного молока и пинта оранжевого пальмового масла.

Курицы оказались хорошими и исправно неслись. Но одна из них сдохла, и они съели ее. Собрали кости, положили их в горшок вместе с внутренностями, ногами, головой и зеленой папайей, которую Мак стащил, когда был на работах, и потушили все вместе. В течение недели они были сыты.

Ларкин открыл одну из банок со сгущенным молоком в тот же день. Они съедали по ложке молока каждый день, пока оно не закончилось. Сгущенное молоко не портилось от жары. В тот день, когда из банки уже нельзя было ничего выскрести, они вскипятили в ней воду и выпили варево. Оно было очень вкусным.

Две банки сардин и последняя банка сгущенного молока были запасом группы. На очень черный день. Банки хранились в тайнике, который постоянно охранялся одним из членов группы.

Перед тем как отпереть запор на дверце курятника, Питер Марлоу оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подглядывает, как он открывается. Питер открыл дверцу и увидел два яйца.

– Спокойно, Нонья, – сказал он, обращаясь к их бесценной курице. – Я не собираюсь дотрагиваться до тебя.

Нонья высидела семь яиц. Им потребовалась огромная воля, чтобы оставить яйца под курицей, но, если им повезет, они получат семь цыплят, а если эти семь цыплят вырастут и станут настоящими курами или петухами, то тогда их выводок будет огромным и они смогут выделить одну курицу для постоянного высидывания яиц. И им больше никогда не нужно будет бояться палаты номер шесть.

В палате номер шесть содержали слепых пленных, лишившихся зрения из-за бери-бери¹⁰. Любые витамины были волшебным средством против этой постоянной угрозы, а яйца – незаменимым и доступным продуктом. По этой причине комендант лагеря надоедал японским властям, вымаливая и требуя больше яиц. Но в основном на человека приходилось только одно яйцо в неделю. Некоторые пленные получали дополнительное яйцо каждый день, но это было уже бесполезно.

Именно поэтому курятники охранялись круглосуточно кем-нибудь из офицеров. Именно поэтому воровство лагерных кур или кур, принадлежавших группам, являлось тягчайшим преступлением. Однажды пленного, которого застали с задушенной курицей,

¹⁰ *Бери-бери* – болезнь, вызываемая главным образом отсутствием витамина В₂, распространенная среди людей, питающихся в основном рисом.

забили до смерти те, кто поймал его. Власти постановили, что это убийство было оправданно.

Стоя в конце клетки, Питер Марлоу восхищался курами Кинга. Их было семь, откормленных и громадных по сравнению со всеми другими. В клетке Кинга был и петух – предмет гордости лагеря. Его кличка была Сансет. От него получалось прекрасное потомство, и всякий мог взять его на племя. Кинг установил и цену: лучший цыпленок в выводке.

Даже кур Кинга берегли и охраняли наравне с остальными.

Марлоу наблюдал, как Сансет повалил курицу в пыль и взгромоздился на нее. Курица выбралась из пыли и стала бегать с кудахтаньем и к тому же клюнула другую курицу. Питер Марлоу презирал себя за то, что наблюдал за курами. Он знал, что это проявление слабости. Он знал, что будет вспоминать Нья и томиться болезненным желанием.

Он вернулся к курятнику, проверил, надежно ли заперт замок, и ушел в бунгало, бережно неся два яйца.

– Питер, ну и парень! – ухмыльнулся Мак. – Сегодня у нас удачный день!

Питер Марлоу вытащил пачку «Куа» и разделил сигареты на три кучки:

– Мы разыграем две из них.

– Возьмите их все, Питер, – сказал Ларкин.

– Нет, мы их разыграем. Младшая карта проигрывает.

Мак проиграл и притворился недовольным.

– Чтоб тебе пусто было! – буркнул он.

Они осторожно разломали сигареты и ссыпали табак в свои коробочки, перемешав его с обработанным яванским табаком, какой у них был. Потом поделили свои порции на четыре части, три из них положили в другую коробочку и отдали коробочки Ларкину на хранение. Иметь столько табака было искушением.

Внезапно разверзлись небеса и начался потоп.

Питер Марлоу снял саронг, аккуратно свернул его и положил на постель Мака.

Ларкин задумчиво произнес:

– Питер, поосторожнее с Кингом. Он может быть опасен.

– Конечно. Не беспокойтесь. – Питер Марлоу шагнул под ливень.

Через секунду Мак и Ларкин разделись и последовали за ним, присоединившись к другим голым пленным, упивающимся стремительными потоками воды.

Их тела с радостью ощущали силу потока, легкие жадно вбирали прохладный воздух, головы светлели.

И вонь Чанги была смыта.

Глава 5

После дождя мужчины сидели, наслаждаясь недолгой прохладой и дожидаясь, когда принесут еду. Вода капала с крыши и извергалась по канавам, пыль превратилась в грязь. А солнце величаво сияло в ослепительно-голубом небе.

– Боже, – признательно сказал Ларкин, – жить стало легче.

– Да, – согласился Мак.

Они сидели на веранде. Мысленно Мак был далеко отсюда, на своей каучуковой плантации в Кедахе, там, на севере.

– Жара более чем стоящая вещь, она заставляет вас ценить прохладу, – заметил он тихо. – Как лихорадка.

– Малайя – вонючка, дождь – вонючка, жара – вонючка, малярия – вонючка, клопы – вонючка, мухи – вонючка, – заявил Ларкин.

– Не в мирное время, парень. – Мак подмигнул Питеру Марлоу. – И не в деревне, не так ли, Питер?

Марлоу ухмыльнулся. Он почти все рассказал им о своей жизни в деревне. Он знал, что о нерассказанном Мак догадывался, потому что прожил взрослую часть жизни на Востоке и любил его в той же степени, в какой Ларкин ненавидел.

– Это я понимаю, – грубовато согласился Ларкин, и все они улыбнулись.

Они разговаривали мало. Все уже было говорено-переговорено. Все, о чем они хотели говорить.

Они просто терпеливо ждали. Когда подошло время, они отправились каждый в свою очередь, а потом вернулись в бунгало. Суп был съеден быстро. Питер Марлоу включил самодельную электроплитку и поджарил одно яйцо. Они сложили свои порции риса в миску, Питер положил яйцо на рис, слегка посолив и поперчив его. Он размельчил его так, чтобы белок и желток равномерно перемешались с рисом, потом разделил рис на порции, и они ели с наслаждением.

Затем Ларкин собрал миски – сегодня была его очередь, и они снова сели на веранде, дожидаясь вечерней переключки.

Питер Марлоу лениво следил за передвижением пленных по улице, наслаждаясь ощущением сытости в желудке, когда увидел приближающегося Грея.

– Добрый вечер, полковник, – сказал Грей Ларкину, четко отдавая честь.

– Добрый вечер, Грей, – вздохнул Ларкин. – Кто на этот раз?

Появление Грея всегда означало неприятности.

Грей взглянул на Питера Марлоу. Ларкин и Мак почувствовали их взаимную враждебность.

– Полковник Смедли-Тейлор просил меня передать, сэр, – сказал Грей, – двое ваших подчиненных подрались – капрал Таунсенд и рядовой Гёбл. Я посадил их в камеру.

– Хорошо, лейтенант, – мрачно буркнул Ларкин. – Вы можете выпустить их. Скажите, чтобы явились ко мне с рапортом сюда после переключки. Я всыплю им по первое число! – Он сделал паузу. – Вам известно, из-за чего они подрались?

– Нет, сэр. Но похоже, причиной была игра в австралийскую орлянку.

«Нелепая игра, – думал Грей. – Кладут две монетки на палку и подбрасывают их, заключая пари, упадут ли монеты одновременно вверх орлом или решкой либо одна вверх орлом и одна решкой».

– Возможно, вы правы, – проворчал Ларкин.

– Вы могли бы запретить игру. Всегда возникают неприятности, когда...

– Запретить орлянку?! – резко оборвал его Ларкин. – Если я сделаю это, они сочтут меня сумасшедшим. Они не обратят внимания на этот смехотворный приказ и будут совершенно правы. Азартные игры – составная часть жизни австралийцев, вам следовало бы уже понять это. Орлянка дает возможность австралийцам отвлечься, а драка иногда тоже не мешает. – Он встал и потянулся, борясь с приступом лихорадки. – Азартные игры для австралийцев – то же самое, что воздух. Да любой австралиец ставит шиллинг-другой на азартную игру. – Голос его стал раздраженным. – Я сам люблю иногда сыграть в орлянку.

– Слушаюсь, сэр, – сказал Грей. Он видел, как Ларкин и другие австралийские офицеры вместе со своими подчиненными возятся в пыли, возбужденные и сквернословящие, как и простые рядовые.

– Передайте полковнику Смедли-Тейлору, что я разберусь с ними. Будь я проклят!

– Жаль, что получилось так с зажигалкой Марлоу, сэр, – сказал Грей, внимательно глядя на Ларкина.

Взгляд Ларкина стал твердым и враз посуровел.

– Ему следовало быть более осторожным. Так ведь?

– Да, сэр, – помолчав некоторое время, согласился Грей. Всем стало ясно, что он хотел сказать. «Ну, – подумал он, – стоит попытаться. К дьяволу Ларкина, к дьяволу Марлоу, время есть». Он уже собирался отдать честь и уйти, когда неожиданная мысль потрясла его. Он не выдал своего возбуждения и как бы между прочим обронил: – Да, кстати, сэр. Ходят слухи, что у одного из ваших австралийцев есть кольцо с бриллиантом. – Он позволил паузе затянуться. – Вам не приходилось слышать об этом?

Глаза Ларкина, глубоко сидящие под кустистыми бровями, задумчиво остановились на Маке, прежде чем он ответил:

– До меня тоже доходили такие слухи. Насколько мне известно, это не относится к моим людям. А в чем дело?

– Просто проверяю, сэр, – объяснил Грей, напряженно улыбаясь. – Вы, конечно, понимаете, что такое кольцо может оказаться динамитом. И для его владельца, и для многих людей. – Потом добавил: – Лучше было бы держать его под замком.

– Я так не считаю, старина, – возразил Марлоу, и в слове «старина» слышалась скрытая злость. – Это было бы самое худшее из всего, что можно сделать, если бриллиантовое кольцо, конечно, существует, в чем я сомневаюсь. Если место, где оно находится, будет известно, многие парни захотят взглянуть на него. И японцы в любом случае конфискуют его, как только услышат о его существовании.

– Я тоже так думаю, – задумчиво проворчал Мак.

– Пусть уж остается там, где оно есть. В неизвестном месте. Возможно, это просто еще одна сплетня, – сказал Ларкин.

– Надеюсь, что так, – ответил Грей, уже уверенный в том, что его предчувствие правильно. – Но сплетня кажется вполне достоверной.

– К моим подчиненным она не имеет отношения. – Ларкин лихорадочно соображал. Казалось, Грей что-то знает. Кто же это мог быть? Кто?

– Если вам что-нибудь станет известно, сэр, может быть, вы дадите мне знать? – Грей бросил презрительный взгляд на Питера Марлоу. – Я хочу предупредить неприятность. – И, четко отдав Ларкину честь, кивнув Маку, он вышел.

В бунгало наступило долгое задумчивое молчание.

– Интересно, почему он спросил об этом? – Ларкин посмотрел на Мака.

– Да, – сказал Мак. – Мне тоже интересно. Вы заметили, как засветилось его лицо?

– Совершенно верно! – бросил Ларкин, черты его лица заострились. – Грей прав в одном. Бриллиант может стоить немалой крови.

– Это только слух, полковник, – заметил Питер Марлоу. – Никто бы не мог хранить столь дорогую вещь так долго. Это невозможно.

– Надеюсь, вы правы, – нахмурился Ларкин. – Молю Бога, чтобы у моих ребят его не оказалось.

Мак потянулся. Голова болела, и он чувствовал, как приближается приступ лихорадки. «Да, – подумал он спокойно, – наверное, дня три у меня еще есть». Лихорадка трепала его столь часто, что стала такой же привычной частью его жизни, как и дыхание. Сейчас она повторялась раз в два месяца. Он вспомнил, как в сорок втором должен был уйти в отставку по настоянию врача. Когда малярия добирается до твоей селезенки, пора домой, старина, – домой в Шотландию, назад к прохладной погоде. Купить маленькую ферму около Киллина с видом на красоты озера Лох-Тей. Тогда можно выжить.

– Да, – устало произнес Мак, ощущая груз своих пятидесяти лет. Потом сказал вслух то, о чем они все думали: – Но если бы нам достался этот крошечный чертов камушек, мы могли бы вести призрачное существование, не опасаясь будущего. Совсем не опасаясь.

Ларкин скрутил сигарету, закурил, сделав глубокую затяжку. Потом передал ее Маку, который покурив и передал сигарету Питеру Марлоу. Когда они почти докурили, Ларкин сбил горящий конец и высыпал остатки табака в коробочку. Он нарушил тишину:

– Пожалуй, пойду пройдуся.

– Саламат, – улыбнулся Питер Марлоу, что означало «Да будет с тобой мир».

– Саламат, – изобразил на своем сером лице улыбку Ларкин и вышел на солнце.

Пока Грей поднимался по склону к хижине военной полиции, голова его горела от возбуждения. Он пообещал себе, что, как только доберется до хижины и выпустит австралийцев, скрутит сигарету, чтобы отпраздновать это событие. Его вторая сигарета за сегодняшний день, хотя у него осталось яванского табака всего на три самокрутки, а выдача должна быть на следующей неделе.

Он прошагал по ступенькам и кивнул сержанту Мастерсу:

– Можешь их выпустить!

Мастерс снял тяжелый засов с двери бамбуковой клетки, и перед Греем замерли два угрюмых человека.

– После переключки вы должны явиться с рапортом к полковнику Ларкину.

Двое козырнули и ушли.

– Чертовы смутьяны! – буркнул Грей.

Он присел, вынул коробочку с табаком и бумагу. В этом месяце он был расточительным. Грей купил целую страницу из Библии. Из этой бумаги получались самые лучшие сигареты. Хотя он и не был религиозным человеком, все-таки это походило на святотатство – пускать Библию на раскурку. Грей прочитал строки на обрывке, из которого он собирался скрутить сигарету: «И отошел сатана от лица Господня и поразил Иова проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его. И взял он себе черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сел в пепел. И сказала ему жена его...»¹¹

«Жена! За каким чертом попало мне на глаза это слово?» Грей выругался и перевернул обрывок.

Первое предложение на другой стороне гласило: «Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?»¹²

Грей подскочил, когда в окне просвистел брошенный кем-то камень, ударился о стенку и стукнулся об пол.

¹¹ Книга Иова, 2: 9. – *Примеч. ред.*

¹² Книга Иова, 3: 12. – *Примеч. ред.*

Камень был завернут в кусок газеты. Грей поднял его и метнулся к окну. Но вокруг никого не было. Грей сел и расправил бумагу. По краю обрывка было написано:

Давайте договоримся. Я поднесу Вам Кинга на тарелочке, если Вы закроете глаза на то, что я буду немножко приторговывать, когда Вы получите его. Если сделка состоялась, выйдите на улицу из хижины на минуту, держа этот камень в левой руке. Потом избежитесь от другого полицейского. Ребята говорят, что Вы честный коп, поэтому я верю Вам.

– Что в ней написано, сэр? – спросил Мастерс, уставясь на бумагу слезящимися глазами.

Грей скомкал обрывок.

– Кто-то считает, что мы слишком усердно работаем на японцев, – резко сказал он.

– Чертов ублюдок! – Мастерс подошел к окну. – Черт побери, они думают, без нас здесь кто-нибудь поддержал бы дисциплину?! От педерастов житья бы не было.

– Это верно, – согласился Грей.

Бумажный комочек был как живой в его руке. «Если это настоящее предложение, – думал он, – Кинга можно будет одолеть».

Принять решение было непросто. Ему предстояло выполнить свою часть сделки. Он обязан держать слово. Он был честным копом и немало гордился своей репутацией. Грей знал, что он все отдаст за то, чтобы увидеть Кинга в бамбуковой клетке, лишенного его нарядов, даже если придется слегка прикрыть глаза на нарушение правил. Ему было интересно, кто из американцев мог стать стукачом. Все они ненавидели Кинга, завидовали ему, но кто мог стать иудой, кто подвергает себя риску разоблачения, зная, какими будут последствия? Кем бы этот человек ни был, он никогда не будет таким же опасным, как Кинг.

Поэтому Грей вышел наружу с камнем в левой руке и внимательно рассматривал проходивших мимо людей. Но никто не подал никакого знака.

Он выбросил камень и отпустил Мастерса. Потом сел и стал ждать. Он уже перестал надеяться, когда в окно влетел еще один камень со следующей запиской:

Проверяйте жестянку в канаве около шестнадцатой хижины. Дважды в день, утром и после переклички. Она будет служить нам для связи. Сегодня ночью он будет торговать с Турасаном.

Глава 6

Этой ночью Ларкин лежал на своем тюфяке под противомоскитной сеткой, мрачно размышляя о капрале Таунсенде и рядовом Гёбле. Он видел их после переклички.

– Какого черта вы устроили драку? – спрашивал он неоднократно, и всякий раз они оба угрюмо отвечали:

– Орлянка.

Но Ларкин инстинктивно чувствовал, что они лгут.

– Я хочу знать правду, – сказал он сердито. – Давайте, вы же приятели. Итак, почему вы подрались?

Но оба упрямо не отрывали глаз от земли. Ларкин спрашивал их по очереди, но всякий раз каждый из них хмурился и бурчал:

– Орлянка.

– Ладно, ублюдки! – наконец рявкнул он сердито. – Я даю вам последний шанс. Если вы не расскажете мне, я исключу вас из своего полка. Насколько я понимаю, тогда вы не сможете выжить.

– Но, полковник, – ахнул Гёбл, – вы не сделаете этого!

– Я даю вам тридцать секунд, – зловеще объявил Ларкин.

И люди поняли, что он имеет в виду. Они знали, что слово Ларкина – закон в его полку, потому что Ларкин был для них как отец. Исключение означало одно: они перестанут существовать для своих товарищей, а без товарищей они умрут.

Ларкин подождал минуту. Потом изрек:

– Хорошо. Завтра...

– Я расскажу вам, полковник! – выпалил Гёбл. – Этот чертов педик обвинил меня в том, что я украл еду у своих товарищей. Он сказал, что я украл...

– А ты и украл, поганый ублюдок!

Только отданная злобным голосом полковника команда «смирно!» удержала их от новой драки.

Капрал Таунсенд первым рассказал свою версию происшедшего:

– В этом месяце я отбываю наряд на кухне. Сегодня нам надо было приготовить еду для ста восьмидесяти восьми человек...

– Кто отсутствует? – спросил Ларкин.

– Билли Донахью, сэр. Он ушел в госпиталь сегодня днем.

– Ладно.

– Хорошо, сэр. Сто восемьдесят восемь человек по сто двадцать пять граммов риса в день дает двадцать три с половиной килограмма. Я всегда сам хожу на склад с приятелем и слежу за тем, как развешивают рис, а затем приношу его, чтобы быть уверенным в том, что мы получили по справедливости. Ну, сегодня я следил за взвешиванием, когда меня скрутила боль в животе. Поэтому я попросил вот этого Гёбла отнести рис на кухню. Он мой лучший приятель, поэтому я решил, что могу доверять ему...

– Я не брал ни одного проклятого зернышка, ты, ублюдок! Перед Богом клянусь, что...

– У нас не хватило риса, когда я вернулся! – закричал Таунсенд. – Не хватило почти полфунта, а это – целых две порции.

– Знаю, но я не...

– Гири были полновесными. Я проверил их перед твоим проклятым носом!

Ларкин прошел вместе с ними, проверил гири и убедился, что они полновесные. Не вызывало сомнений, что вниз по склону холма было отправлено нужное количество риса,

потому что каждое утро нормы публично взвешивались подполковником Джонсом. Ответ был только один.

Гёбл исчез в темноте, спотыкаясь и всхлипывая, а Ларкин обратился к Таунсенду:

– Держи рот на замке.

– Даю слово, полковник, – сказал Таунсенд. – Если австралийцы узнают об этом, они разорвут его на части. И справедливо! Я не рассказал об этом только по одной причине: он был моим лучшим другом. – Глаза его неожиданно наполнились слезами. – Проклятье, полковник, мы вместе поступили на военную службу! Мы прошли через Дюнкерк и вонючий Ближний Восток и через всю Малайю. Я знал его большую часть своей жизни и готов был поставить свою жизнь на кон...

Сейчас, думая об этом снова и снова, в полусонном состоянии, полковник Ларкин содрогнулся. «Как человек мог совершить такое? – беспомощно спрашивал он сам себя. – Как?» Гёбл – один из его подчиненных, которого он знал много лет и который даже работал в его офисе в Сиднее!

Он закрыл глаза и забыл про Гёбла.

Он выполнил свой долг, а его долг состоял в том, чтобы защищать большинство. Он позволил мыслям переключиться на жену Бетти, готовящую стейк с поджаренным яйцом сверху, свой дом с видом на залив, маленькую дочь, он думал о том, что будет делать после войны. Но когда? Когда?

Грей осторожно поднялся по ступенькам хижины номер шестнадцать, как вор в ночи, и прошел к своей кровати. Он стянул брюки, скользнул под противомоскитную сетку и лежал голым на матрасе, очень довольный собой. Он только что видел, как Турасан, корейский охранник, прошмыгнул за угол хижины американцев и под брезентовый навес, видел, как Кинг воровато выпрыгнул из окна, чтобы присоединиться к Турасану. Грей недолго прятался в укромном уголке. Он проверял информацию доносчика. Еще не было необходимости хватать Кинга. Не надо. Пока не надо. Теперь известно, что осведомитель говорил правду.

Грей ворочался на кровати, расчесывая ногу. Его натренированные пальцы поймали клопа и раздавили его. Он услышал звук, с которым лопнул клоп, и почувствовал тошнотворный сладкий запах крови, которая была в клопе, – его собственной крови.

В поисках неизбежной дыры вокруг его сетки гудели тучи moskitov. В отличие от большинства офицеров, Грей отказался превращать свою кровать в двухэтажные нары, потому что ему была противна мысль о том, что кто-то станет спать над или под ним, хотя нары и давали дополнительное пространство.

Противомоскитные сетки висели на проволоке, которая по всей длине делила хижину пополам. Даже во сне пленные были связаны друг с другом. Когда один человек поворачивался или натягивал сетку, чтобы плотнее подоткнуть ее под пропитавшийся потом тюфяк, все сетки слегка покачивались, и каждый чувствовал, что находится в окружении других людей.

Грей раздавил еще одного клопа, но его мысли были далеко. Этой ночью счастье переполняло его. Наконец объявился стукач, теперь можно ловить Кинга, и до кольца с бриллиантом он доберется, и до Марлоу. Грей был очень доволен, потому что разгадал загадку.

Все просто, повторял он про себя. Ларкин знает, у кого кольцо. Единственный человек в лагере, который в состоянии организовать продажу, – это Кинг, только его связи годятся для такого дела. Ларкин не пошел бы к Кингу, поэтому послал Марлоу. Марлоу должен быть посредником.

Кровать Грея качнулась, когда тяжелобольной Джонни Хокинс спросонья споткнулся об нее, направляясь в уборную.

– Поосторожнее, бога ради! – бросил Грей раздраженно.

– Извините, – сказал Джонни, пробираясь на ощупь к двери.

Через несколько минут Джонни проковылял обратно. Вслед ему было послано несколько сонных ругательств. Как только Джонни добрал до койки, ему надо было идти опять. На этот раз Грей не обратил внимания на то, как затряслась его кровать, потому что был поглощен своими мыслями, прогнозируя возможные действия врага.

Питер Марлоу бодрствовал, сидя на жестких ступеньках хижины номер шестнадцать под безлунным небом, пропуская темноту через свои глаза, уши и мозг. С того места, где он сидел, ему были видны две дороги: одна, которая делила лагерь пополам, и другая, огибающая стены тюрьмы. Японские и корейские охранники и военнопленные в одинаковой степени пользовались обеими дорогами. Питер Марлоу нес караул с северной стороны.

Он знал, что сзади него капитан авиации Кокс так же внимательно вглядывается в темноту, предупреждая опасность. Кокс следил за южным направлением.

Восток и запад не было нужды прикрывать, потому что к хижине номер шестнадцать можно было подойти только с севера или юга.

Из хижины и отовсюду неслись звуки, издаваемые людьми, которые спят мертвым сном: стоны, странный смех, храп, хмыканье, сдавленные полувскрики, смешивающиеся с тихим шепотом бодрствующих. Было приятно сидеть прохладной ночью на холме над дорогой. Все было спокойно.

Питер Марлоу дернулся, как собака, сделавшая стойку. Он почувствовал приближение корейского охранника раньше, чем разглядел его в темноте, а к тому времени, когда Питер действительно заметил его, он уже успел дать предупредительный сигнал.

В самом дальнем конце хижины Дейв Девен не расслышал первого свиста, потому что был поглощен своим занятием. Услышав второй свист, более настойчивый, он ответил на него, резко разъединил иголки, лег на койку и затаил дыхание.

Охранник с винтовкой на плече ссутулившись шел через лагерь, не замечая ни Питера Марлоу, ни других. Он чувствовал на себе их глаза. Он ускорил шаг и мечтал скорее убраться от этой ненависти.

Прошла вечность, прежде чем Питер Марлоу услышал сигнал отбоя, поданный Коксом, и снова расслабился, не прекращая прощупывать темноту ночи.

В дальнем конце хижины Девен перевел дыхание. Он осторожно приподнялся под плотной противомоскитной сеткой на верхних нарах. С бесконечным терпением он вновь соединил две иголки с концами изолированного провода, подключенного к сети. После поиска, потребовавшего огромного напряжения сил, он почувствовал, как иголки прошли через выеденные жучком отверстия в брус. Эти брусья через равные промежутки шли вдоль хижины и служили главной поперечиной нар. Капли пота скатились по его подбородку и упали на брус, пока он нащупывал две другие иголки, присоединенные к наушнику, и снова после мучительного поиска вслепую нащупал отверстия, предназначенные для них, и ловко вставил иголки в брус. Наушник ожил: «...и наши войска быстро продвигаются сквозь джунгли по направлению к Мандалаю. Мы передавали последние известия. Говорит Калькутта. Коротко о новостях: американские и английские войска заставляют противника отступать в Бельгии и на центральном участке фронта в направлении Сент-Юбера в условиях сильнейших снежных бурь. В Польше русские войска находятся в двадцати милях от Кракова. На Филиппинах американские войска, наступая на Манилу, захватили плацдарм за рекой Агно. Днем американские Б-29 бомбили Формозу. Потерь нет. В Бирме победоносные английская и индийская армии находятся в тридцати милях от Мандалая. Следующие новости в шесть утра по калькуттскому времени».

Девен тихо откашлялся и почувствовал, как провод питания слегка дернулся, а потом освободился, когда Спенс на соседней койке вытащил свои иголки из розетки. Девен быстро

разъединил свои четыре иголки и спрятал их в швейные принадлежности. Он вытер лицо от пота и почесал клопные укусы. Потом отсоединил провод на наушнике, осторожно закрепил выводы и сунул наушник в специальный карман в бандаже у себя под яичками. Он застегнул штаны, сложил вдвое провод, пропустил его через петли для ремня и завязал узлом. Девен нащупал кусок тряпки, вытер руки, потом аккуратно посыпал пылью крошечные отверстия в бруссе, замазывая их и маскируя.

Он откинулся на койке на минутку, чтобы собраться с силами, и почесался. Успокоившись, отвел сетку и прыгнул на пол. Ночью он никогда не пристегивал свой протез, поэтому нащупал костыли и тихо пошел к двери. Он миновал койку Спенса, не обратив на него никакого внимания. Таково было правило. Нельзя позволить себе быть неосторожными. Костыли скрипели, и в десятиmillionный раз Девен снова подумал о своей ноге. Она не слишком волновала его сейчас, хотя культя страшно болела. Врачи сказали, что вскоре придется снова укоротить ее. Ему это уже делали дважды, первый раз была настоящая ампутация ниже колена в сорок втором, когда он подорвался на сухопутной мине. Второй раз – выше колена, без анестезии. Воспоминание об этом заставило Девена стиснуть зубы и поклясться, что он никогда не согласится на такое снова. Но на сей раз, последний, все будет не так уж и плохо. Здесь, в Чанги, есть анестезирующие средства. Это будет в последний раз, потому что культя не слишком большая.

– Привет, Питер, – сказал он, чуть было не наткнувшись на Марлоу. – Не заметил тебя.

– Привет, Дейв.

– Правда, чудесная ночь? – Девен осторожно спускался по ступенькам. – Мочевой пузырь капризничает.

Питер Марлоу улыбнулся. Если Девен говорил эти слова, значит новости были хорошими.

Если он говорил: «Я протек», это означало, что в мире ничего не произошло. Фраза «Кишки довели меня сегодня ночью» намекала, что где-то серьезные неприятности, просьба «Подержи-ка секундочку костыли» указывала на большую победу.

Хотя Питер Марлоу должен был бы слышать подробные новости завтра, выучить их вместе со Спенсом и пересказать обитателям других хижин, ему хотелось узнать их сегодня, поэтому он снова уселся на свое место, наблюдая, как Девен прыгает на костылях в уборную, чувствуя симпатию и уважение к этому человеку. Скрипя костылями, Девен дошел до места. Писсуар был сделан из согнутого куска гофрированного железа. Девен наблюдал, как его моча льется, извиваясь тонкой струйкой, к нижнему концу писсуара, потом, пенясь, низвергается из заржавленного носика в большой бочонок, смешиваясь с нечистотами на поверхности жидкости. Он вспомнил, что завтра будет день уборки. Этот сосуд вынесут вместе с другими такими же на огороды. Нечистоты смешают с водой, потом эту смесь осторожно разольют черпак за черпаком под корни заботливо выращиваемых и охраняемых пленными растений, которые шли в лагерьный котел. Это удобрение сделает еще более сочными овощи, которые они ели.

Девен ненавидел овощи. Но это была еда, а человеку нужно есть.

Ветерок охлаждал потную спину и нес с собой острый запах моря, находящегося за три мили, за три световых года от лагеря.

Девен думал о том, как надежно работает приемник. Он был очень доволен собой, вспоминая, как аккуратно отколол тонкую планку от верхней части бруса и выдолбил там отверстие глубиной в шесть дюймов. Как скрытно все это было сделано. Как ему потребовалось пять месяцев, чтобы собрать приемник, работая по ночам и в предрассветные часы, а отсыпаясь днем. Как искусно была подогнана крышка, так что ее очертаний после присыпания пылью нельзя было рассмотреть даже при тщательном обыске. И как невидимы были отверстия для иглолок, когда их посыпали пылью.

Мысль о том, что он, Дейв Девен, первый в лагере узнавал новости, наполняла его огромной гордостью и ощущением собственной значимости. Несмотря на отсутствие ноги. Однажды он услышит, что война закончилась. Не только европейская война. Их война. Война на Тихом океане. Благодаря ему лагерь связан с внешним миром, и он знал, что страх, пот и боль в сердце стоят того. Только он, Спенс, Кокс и Питер Марлоу, да еще два английских полковника точно знали, где на самом деле спрятан приемник. Это было мудро, потому что чем меньше людей посвящено в тайну, тем меньше опасность.

Опасность, конечно же, существовала. Всегда повсюду присутствовали назойливо-любопытные глаза – глаза, которым нельзя было доверять. Всегда сохранялась угроза, что на тебя донесут. И риск непреднамеренной утечки.

Когда Девен вернулся обратно, Марлоу уже был в своей койке. Девен заметил, что Кокс по-прежнему сидит на ступеньках в дальнем конце, но это было обычным делом: дежурные не должны расходиться одновременно. Нога Девена начала нестерпимо чесаться, но не куля, а то, что ампутировали. Он забрался к себе на койку, закрыл глаза и помолился. Он всегда молился перед сном. Сон не приходил; перед его глазами как живой возник славный старина Том Коттон, австралиец, которого поймали с другим приемником и под охраной отправили в тюрьму Утрам-Роуд. Он вспомнил, как Том, в широкополой плетеной шляпе, лихо сдвинутой на один глаз, хрипло распевал «Вальсирующую Матильду», а хор пел «Покарай япошек». Но мысленно Девен представлял, что именно его, а не Томми Коттона уведут под охраной. Он уходил, охваченный малодушным страхом.

– О Боже, – сказал сам себе Девен, – дай мне Твое мужество. Я так боюсь, я такой трус.

Кинг был занят тем, что любил больше всего на свете. Он считал пачку совершенно новых банкнот. Доход от продажи.

Турасан вежливо светил своим карманным фонариком, луч которого был тщательно затенен и направлен на стол. Они были в «магазине», как называл Кинг это место рядом с хижиной американцев. Сейчас с брезентового навеса свисал почти до земли еще один кусок брезента, закрывая стол и скамейки от вездесущих глаз. Японцы запрещали торговлю между пленными и охранниками – таков был лагерный приказ.

На лице Кинга было написано: надули в сделке. Он считал деньги с мрачным видом.

– О'кей, – наконец вздохнул он, когда общая сумма оказалась равной пяти сотням. – Ити-бон!

Турасан кивнул. Он был маленьким, приземистым человеком с круглым, лунообразным лицом и полным ртом золотых зубов. Винтовку кореец небрежно прислонил к стенке хижины. Он взял паркеровскую авторучку и тщательно осмотрел ее еще раз. Белое пятнышко оказалось на месте. Перо было золотым. Он поднес ручку поближе к лучу света и прищурился, чтобы еще раз прочесть надпись, выгравированную на перо: «14 карат».

– Ити-бон, – буркнул он и втянул воздух между передними зубами.

На его лице было написано то же: надули в сделке. Он скрывал, что доволен. Пятьсот японских долларов были отличной ценой за ручку, и он знал, что легко получит за нее вдвое больше у китайцев в Сингапуре.

– Ты, чертов ити-бон, торгаш, – угрюмо сказал Кинг. – На следующей неделе, возможно, будут часы. Но не будет этих чертовых вонгов – не будет никакой торговли. Я должен заработать немного вонгов.

– Оцень много вонгов, – проговорил Турасан, кивая на пачку денег. – Мозет, скоро цасы?

– Может быть.

Турасан предложил закурить. Кинг взял сигарету и позволил Турасану поднести огонь. Потом Турасан в последний раз всосал в себя воздух и улыбнулся золотозубой улыбкой. Он вскинул винтовку на плечо, отвесил вежливый поклон и растворился в ночи.

Кинг курил, сияя от счастья. «Хорошая работа, – думал он. – Пятьдесят баксов за ручку, сто пятьдесят человеку, который сработал белое пятнышко и выгравировал надпись на перо. Доход триста долларов». То, что с пера через неделю сойдет краска, совершенно не волновало Кинга. Он знал, к тому времени Турасан продаст перо какому-нибудь китайцу.

Кинг через окно влез в хижину.

– Спасибо, Макс, – сказал он тихо, так как большинство американцев уже спали. – Вот держи, можешь идти. – Он вытащил из пачки две десятидолларовые банкноты. – Отдашь другую Дино.

Он обычно не платил своим людям так много за короткую по времени работу. Но сегодня проявил щедрость.

– Здорово! Спасибо. – Макс поспешил наружу, сказал Дино, что работа закончена, и дал ему десятидолларовую бумажку.

Кинг поставил кофейник на плитку. Он разделся, повесил брюки, а рубашку, трусы и носки бросил в корзину с грязным бельем. Кинг натянул чистую, прожаренную на солнце набедренную повязку и проскользнул под противомоскитную сетку.

Дождаясь, когда закипит вода, он подвел итог дневной работе. Сначала «Ронсон». Он заставил майора Бэрри спустить цену до пятисот пятидесяти долларов минус пятьдесят пять долларов, которые составляли его десятипроцентные комиссионные, и зарегистрировал зажигалку у капитана Брафа как «выигранную в покер». Она стоила по крайней мере девять сотен. Так что сделка была выгодной. «При растущей инфляции, – думал он, – нужно вкладывать максимальное количество денег в товары».

Прежде чем запустить производство по обработке табака, Кинг договорился о сбыте. Все пошло так, как он задумал. Все американцы согласились заняться сбытом, и отношения Кинга с его австралийскими и английскими партнерами были испорчены. Но это было нормально. Он уже договорился о покупке двадцати фунтов необработанного яванского табака у А Ли, китайца, который имел право торговать в лагерной лавке, и получил табак с хорошей скидкой. Договорились, что на австралийской кухне им каждый день будут предоставлять одну из печей на час, так чтобы вся партия табака могла быть приготовлена одновременно под наблюдением Текса. Поскольку все люди работали за комиссионное вознаграждение, затраты Кинга включали только стоимость табака. Завтра обработанный табак пойдет в продажу. Он организовал все так, что чистая прибыль будет составлять сто процентов. Это было справедливо.

Теперь, когда производство табака запущено, Кинг мог энергично взяться за дело, связанное с бриллиантом...

Шипение закипающего кофейника оторвало Кинга от размышлений. Он выскользнул из-под противомоскитной сетки и отпер черный ящик. Кинг насыпал в воду три полные ложки кофе и добавил щепотку соли. Когда вода покрылась пеной, снял кофейник с плитки и подождал, пока кофе не отстоится.

Хижина наполнилась запахом кофе, дразня людей, которые еще не спали.

– Боже! – непроизвольно воскликнул Макс.

– В чем дело, Макс? – спросил Кинг. – Не можешь заснуть?

– Нет. Слишком много мыслей у меня в голове. Думаю, мы можем до черта заработать на этом табаке.

Текс тревожно заерзал, вдыхая аромат кофе.

– Этот запах напоминает мне о нефтеразведочных работах.

– Как это? – Кинг налил в кофейник холодной воды, чтобы осадить гущу, потом бросил полную ложку сахара в свою кружку и наполнил ее кофе.

– Самое приятное в буровых работах наступает утром. После длинной, тяжелой ночной смены на буровой вышке. Когда перед рассветом сидишь со своими друзьями с первой дымящейся чашкой яванского кофе. А кофе горячий и сладкий и в то же время чуточку горький. И можно видеть, как над Техасом, над путаницей нефтяных вышек встает солнце. – Последовал долгий вздох. – Вот это жизнь, парни.

– Я никогда не был в Техасе, – сказал Кинг. – Был везде, но не в Техасе.

– Это благословенная Богом земля.

– Хочешь кофе?

– Ты же знаешь. – Текс тут же оказался рядом со своей кружкой. Кинг налил себе кофе по второму разу. Потом дал полчашки Тексу.

– Макс?

Макс тоже получил свои полчашки. Он быстро выпил кофе.

– Я приготовлю это для тебя утром, – сказал он, забирая кофейник с гущей.

– О'кей. Спокойной ночи, ребята.

Кинг снова проскользнул под сетку и убедился, что она плотно подсунута под матрас. Потом с удовольствием лег между простынями. Он видел, как в другом конце хижины Макс добавил в гущу воды и поставил кофейник рядом со своей койкой настаиваться. Он знал, что Макс повторно заварит гущу на завтрак. Сам Кинг не любил повторно заваренный кофе. Он был слишком горек. Но ребята утверждали, что он хорош. «Если Макс хочет повторно заварить его, что ж, отлично», – подумал он, соглашаясь. Кинг не любил опивок.

Он закрыл глаза и переключился мыслями на бриллиант. Он наконец понял, кто его владелец, как добраться до камня, а сейчас, когда удачный случай свел его с Питером Марлоу, смекнул, как надо организовать эту крайне сложную сделку.

«Как только ты понял человека, – повторял Кинг, – узнал его ахиллесову пяту, ты знаешь, как себя вести с ним, как подключить его к своим планам». Да, предчувствие не обмануло его, когда он впервые увидел Питера Марлоу, сидящего на корточках, как индус, в пыли и болтающего по-малайски. Предчувствиями в этом мире надо пользоваться.

Сейчас, думая о своем разговоре с Питером Марлоу после переклички, Кинг почувствовал, как его заливают теплом от предвкушения удачи.

– Ничего не происходит в этой вшивой тюрьме, – невинно произнес Кинг, когда они безлунным вечером сидели под свесом крыши.

– Точно, – согласился Питер Марлоу. – Отвратительно. Каждый день совершенно такой же, как и все остальные. От этого можно спать.

Кинг кивнул и прихлопнул москита.

– Я знаю парня, который очень хорошо развлекается.

– Ну! Что же он делает?

– Он ночью пролезает через проволоку.

– Боже мой, он напрашивается на неприятности. Должно быть, он сумасшедший!

Но Кинг заметил огонек возбуждения, вспыхнувший в глазах Питера Марлоу. Он молча ждал.

– Зачем он делает это?

– В основном только для потехи.

– Вы имеете в виду развлечение?

Кинг кивнул.

Питер Марлоу тихо присвистнул:

– Не думаю, что у меня хватило бы на это духу.

– Иногда этот тип ходит в малайскую деревню.

Питер Марлоу взглянул за проволоку, в мыслях уносясь в деревню, которая, как все они знали, была расположена на побережье в трех милях отсюда. Однажды Марлоу проник в самую верхнюю камеру тюрьмы и подобрался к крошечному зарешеченному окошку. Он увидел панораму джунглей и деревушку, гнездившуюся на берегу. В тот день в море было много судов. Рыбачьи лодки и вражеские военные корабли, большие и малые, казались островками на водной глади моря. Он не мог оторвать от них взгляда, очарованный близостью моря, и стоял, уцепившись за прутья решетки, до тех пор, пока руки его держали. Немного отдохнув, он собирался опять влезть к окошку и снова выглянуть. Но больше не сделал этого. Никогда. Та картина доставляла слишком сильную боль. Он почти всю жизнь прожил у моря. Уезжая от него, он чувствовал себя потерянным. Сейчас он снова оказался недалеко от моря. Но оно было недостижимо.

– Очень опасно доверять всей деревне, – сказал Питер Марлоу.

– Нет, если вы с ними знакомы.

– Верно. Этот человек действительно ходит в деревню?

– Он мне так говорил.

– Я не думаю, что даже Сулиман пойдет на такой риск.

– Кто?

– Сулиман. Малаец, с которым я разговаривал сегодня днем.

– Кажется, что это было месяц тому назад, – заметил Кинг.

– Так оно и есть, не правда ли?

– Какого черта такой парень, как Сулиман, делает в этой тюрьме? Почему он не унес ноги, когда война закончилась?

– Его поймали на Яве. Сулиман подрезал каучуковые деревья на плантации Мака. Мак – это один из членов моей группы. Ну, батальон Мака – это был Малайский полк – вывели из Сингапура и послали на Яву. Когда война закончилась, Сулиману пришлось остаться с батальоном.

– Черт, он ведь мог исчезнуть! Их ведь миллионы на Яве...

– Яванцы сразу обнаружили бы его и, может быть, выдали.

– А как же насчет зоны совместного процветания? Вы же знаете, как это – Азия для азиатов?

– Боюсь, это пустые слова. Яванцам много пользы это тоже не принесло. Особенно если они не подчинялись приказам.

– Что вы имеете в виду?

– В сорок втором году, осенью, я был в лагере рядом с Бандунгом, – сказал Питер Марлоу, – в горах Явы, в центре острова. Тогда вместе с нами там было полно солдат с Амбона и Манадо и много яванцев, они служили в голландской армии. Ну а яванцам трудно приходилось в лагере, потому что многие из них были из Бандунга и их жены и дети жили сразу за оградой. Долгое время они имели обыкновение выбираться наружу и проводить там ночь, а перед рассветом возвращаться в лагерь. Он слабо охранялся, так что это было несложным делом. Хотя для европейцев представляло опасность, потому что яванцы могли выдать вас японцам и судьба ваша была бы решена. Однажды японцы отдали приказ, что любой пойманный вне лагеря будет расстрелян. Яванцы, конечно же, решили, что это относится ко всем, кроме них. Кроме того, им сообщили, что через пару недель их все равно выпустят. Однажды утром семерых из них поймали. На следующий день нас построили. Весь лагерь. Яванцев поставили к стенке и расстреляли. Прямо перед нами, вот так. Семь тел похоронили с военными почестями там, где они упали. Потом япошки развели небольшой палисадник вокруг могил. Они посадили цветы, обнесли всю площадку белым кантом и установили надпись на малайском, японском и английском: «Эти люди погибли за свою страну».

– Да вы шутите!

– Отнюдь. Но самое забавное, что именно японцы поставили почетный караул около могилы. После этого каждый японский охранник, каждый японский офицер, проходя мимо «святыни», отдавал честь. Каждый. И в то же время каждый военнопленный должен был встать и кланяться, если в пределах видимости появлялся любой японский солдат. Если вы не делали этого, то получали прикладом винтовки по голове.

– Непонятно.

– Для них понятно. Таков восточный склад ума. Для них все абсолютно понятно.

– Черт возьми, непонятно! Совсем непонятно!

– Вот почему я не люблю их, – задумчиво произнес Питер Марлоу. – Я боюсь их, потому что у вас нет критериев для того, чтобы оценивать их поступки. Они ведут себя так, как не должны были бы. Никогда.

– Я в этом не разбираюсь. Они знают цену деньгам, и вы можете в большинстве случаев доверять им.

– Вы имеете в виду бизнес? – рассмеялся Питер Марлоу. – Ну, мне про это ничего не известно. Но что касается самих людей... А, вот еще. В другом лагере на Яве – они все время перемещали нас с места на место, не так, как на Сингапуре, – тоже недалеко от Бандунга, был японский охранник, более человечный. Он не бросался на пленных, как большинство из них. Этого человека мы привыкли называть Санни¹³, потому что он всегда улыбался. Санни любил собак. И всегда ходил по лагерю, окруженный полудюжиной псин. Его любимицей была овчарка – сука. Однажды эта собака принесла щенков, щенки были самымимышленными из всех, которых мы когда-либо видели, а Санни почти самым счастливым японцем на земле, он учил щенков, смеялся и играл с ними. Когда они научились ходить, он сделал для них поводки из бечевки и ходил по лагерю, таща их за собой. Однажды он тянул за собой щенков, а один из них сел на задние лапы. Знаете, как ведут себя щенки, когда устают? Они просто садятся. Поэтому Санни немного его проволокал, потом рванул по-настоящему. Щенок взвизгнул, но с места не сдвинулся. – Питер Марлоу сделал паузу и свернул сигарету. Потом продолжил: – Санни ухватился за бечевку и начал раскручивать щенка у себя над головой. Он, наверное, дюжину раз крутанул его, хохоча так, будто это была величайшая шутка в мире. Потом, когда визжащий щенок набрал скорость, он крутанул его последний раз и отпустил бечевку. Щенок пролетел, должно быть, футов пятьдесят в воздухе. А когда он ударился о твердую как железо землю, то лопнул, словно спелый помидор.

– Подонок!

Спустя минуту Питер Марлоу сказал:

– Санни подошел к щенку, посмотрел на него, потом залился слезами. Один из наших ребят раздобыл лопату и закопал то, что осталось, и все это время Санни терзался своим горем. Когда могила была разглажена, он вытер слезы, дал пленному пачку сигарет, ругал его в течение пяти минут, со злостью пнул прикладом винтовки в пах, потом поклонился могиле, поклонился ударенному человеку и зашагал прочь, сияя от счастья, в сопровождении других щенков и собак.

– Быть может, он был просто сумасшедшим? Сифилитиком? – Кинг медленно покачал головой.

– Нет, Санни таким не был. Кажется, что японцы ведут себя как дети, но у них мужские тела и мужская сила. Они просто смотрят на вещи так, как это делают дети. Их видение жизни не прямое, как у нас, а искаженное.

– Я слышал, что после капитуляции на Яве было скверно, – сказал Кинг, чтобы заставить собеседника продолжать рассказ. Ему понадобился почти час, чтобы Питер Марлоу разговорился, и сейчас он хотел, чтобы тот почувствовал себя непринужденно.

¹³ Солнечный (англ.).

– В каком-то смысле да. Конечно, на Сингапуре было больше ста тысяч солдат, поэтому японцам следовало быть чуть осторожнее. По-прежнему существовала субординация, и многие соединения остались нерасформированными. Японцы наступали всюду в направлении Австралии и не слишком тревожились, если военнопленные вели себя прилично и сами организовывались в лагерь. Некоторое время то же самое происходило на Яве и Суматре. Они хотели нажать и оккупировать Австралию, а потом всех нас сослать туда в качестве рабов.

– Вы сумасшедший, – заявил Кинг.

– О нет. Это сказал мне японский офицер после того, как меня схватили. Но когда их наступление было остановлено в Новой Гвинее, они принялись наводить порядок в своем расположении. На Яве нас было не очень много, поэтому они могли позволить себе грубо обращаться с нами. Они говорили, что у нас нет офицерской чести, ведь мы позволили взять себя в плен. Поэтому они не хотели считать нас военнопленными. Они постригли нас и запретили носить офицерские знаки различия. В конце концов нам разрешили вновь «стать» офицерами, хотя так и не позволили отрастить волосы. – Питер Марлоу улыбнулся. – Как вы попали сюда?

– Обычное дерьмо. Мы строили летную полосу. На Филиппинах. Нам пришлось спешно сматываться оттуда. Первое судно, на которое мы смогли сесть, направлялось сюда, поэтому мы и выбрали его. Мы считали, что Сингапур так же неприступен, как и Форт-Нокс. К тому времени, когда мы добрались сюда, японцы были уже в Джохоре. Началась паника, и все парни ушли с последним конвоем из Сингапура. Я же решил, что это рискованное мероприятие. Конвой подорвался в море. Я поработал головой – и вот я жив. В большинстве случаев погибают только болваны.

– Не думаю, что у меня достало бы ума не ехать, если бы представилась такая возможность, – признался Питер Марлоу.

– Нужно заботиться только о себе, Питер. Никто больше этого делать не будет.

Питер Марлоу надолго задумался. Из темноты ночи долетали обрывки разговоров. Иногда гневные ругательства. Шепот. Гудели тучи moskitov. Издалека доносилась скорбная переключка пароходных гудков. Пальмы, четко выделяющиеся на фоне темного неба, шевелили листьями. Сухая ветка отвалилась от вершины пальмы и с треском упала в джунгли.

Питер Марлоу нарушил молчание:

– Этот ваш друг... Он действительно ходит в деревню?

Кинг посмотрел в глаза Питеру Марлоу.

– Вы хотите пойти? – спросил он тихо. – В следующий раз, когда я пойду?

Слабая улыбка тронула губы Питера Марлоу.

– Да.

Резкое крещендо москита заставило Кинга вскочить. Он нашел фонарик и осветил сетку изнутри. На сетке сидел москит. Кинг ловко прихлопнул его. Потом дважды проверил, нет ли дырок в сетке, и снова лег.

Через минуту он выкинул все мысли из головы. Сон быстро и спокойно овладел Кингом.

Питер Марлоу все еще не мог заснуть на своей койке, почесывая клопные укусы. Слова Кинга вызвали слишком много воспоминаний...

Он вспомнил корабль, на котором его, Мака и Ларкина привезли с Явы год назад.

Японцы приказали коменданту Бандунга, одного из лагерей на Яве, предоставить тысячу человек для вывода на работы. Пленных должны были послать в другой лагерь непо-

далеку на две недели, обеспечив их хорошей едой – двойными пайками и сигаретами. Потом их предполагалось перевести в другое место. Прекрасные условия для работы.

Многие пленные напросились на работы из-за двухнедельного срока. Некоторым приказали. Мак записал себя, Ларкина и Питера Марлоу.

– Никогда ничего нельзя угадать заранее, парни, – уговаривал он, когда они обругали его. – Если бы мы могли добраться до какого-нибудь крошечного острова. Я и Питер знаем язык. Да и хуже, чем здесь, там не будет.

Поэтому они решили поменять известное зло на неизвестное.

У сходней возле крошечного грузового парохода топталось много охранников и два японца, одетых в белое, с лицами, закрытыми белыми масками. За их спинами висели большие сосуды, а в руках были опрыскиватели, подключенные к сосудам. Все военнопленные и их пожитки были опрысканы, чтобы не занести яванских микробов на чистое судно.

Маленький загаженный трюм на корме кишел крысами и вшами. Пространство в центре его было размером двадцать на двадцать футов. Вокруг трюма, прикрепленные к корпусу судна, от палубы до самого верха шли пять рядов широких полок. Расстояние между полками составляло три фута, а их ширина – десять футов.

Японский сержант показал пленным, как нужно сесть на полках, скрестив ноги. Пять человек в затылок друг другу, еще пять и еще. До тех пор, пока все полки не были забиты.

Когда слышались испуганные протесты, сержант заявил, что таким способом перевозят японских солдат, а если это подходит для славной японской армии, то вполне подойдет и для белых отбросов. Первые пять человек исчезли, задыхаясь в удушающей темноте, под угрозой револьвера, а толпа пленных, спускавшихся в трюм, напирала и заставляла остальных забираться на полки. На этих пленных нажимали, в свою очередь, сзади идущие. Колено к колену, спина к спине, бок к боку. Непоместившиеся пленные, почти сто человек, стояли, стиснутые, на маленькой площадке, размером двадцать на двадцать футов, радуясь, что они не попали на полки. Люки все равно еще не были задраены, и в трюм заглядывало солнце.

Сержант повел вторую колонну, в которой были Ларкин, Мак и Питер Марлоу, в носовой трюм, и его тоже стали забивать пленными.

Когда Мак добрался до насыщенного парами дна трюма, он судорожно вдохнул и потерял сознание. Питер Марлоу и Ларкин подхватили его и под оглушительный шум, с руганью, пробились по трапу назад на палубу. Охранник попытался затолкать их обратно. Питер Марлоу кричал, умолял и показывал на трясущееся лицо Мака. Охранник пожал плечами и дал им пройти, кивнув головой в сторону носа.

Ларкин и Питер Марлоу локтями и руганью освободили место и уложили Мака.

– Что будем делать? – спросил Питер Марлоу Ларкина.

– Пойду и постараюсь найти врача.

Рука Мака уцепилась за Ларкина.

– Полковник... – Его глаза слегка приоткрылись, и он быстро прошептал: – Со мной все в порядке. Мне нужно было как-то вытащить нас из трюма. Христа ради, делайте вид, что вы огорчены, и не бойтесь, если я изобразю припадок.

Поэтому они ухаживали за Маком, который горячно стонал, дрался и выплевывал воду, которую они подносили к его губам. Он выделял все это до тех пор, пока судно не отчалило. Теперь даже палубы были забиты людьми.

На судне не хватало места, чтобы все могли одновременно сесть. Но поскольку за всем – за водой, рисом, в уборные – стояли очереди, каждый военнопленный на какое-то время мог сесть.

Той ночью шторм трепал судно в течение шести часов. Все пленные, которые находились в трюме, пытались сдержать рвоту, а те, что были на палубе, тщились укрыться от стремительных потоков воды.

На следующий день море было спокойным, небо залито солнцем. За борт упал один пленный. Те, кто был на палубе, и пленные, и охрана, долгое время следили за тем, как он тонул в кильватерной струе судна. После этого за борт никто не падал.

На второй день трех мертвецов погребли в море. Несколько японских охранников выстрелили из винтовок, чтобы придать похоронам военный характер. Служба вышла краткой – надо было стоять в очередях.

Путешествие продлилось четыре дня и пять ночей. Для Мака, Ларкина и Питера Марлоу оно закончилось без приключений.

Питер Марлоу лежал на своем влажном тюфяке, страстно желая заснуть. Но его мозг бесконтрольно метался, вылавливая из глубины ужасы прошлого и страхи перед будущим. Воспоминания, которые лучше отогнать от себя. Не надо вспоминать сейчас, когда ему так одиноко. Не надо вспоминать о ней.

Уже рассветало, когда он наконец заснул. Но даже тогда сон его был мучителен.

Глава 7

Дни сменялись днями и текли монотонной вереницей.

Однажды вечером Кинг пришел в лагерный госпиталь в поисках Мастерса. Он нашел его на веранде одной из хижин. Тот лежал на вонючей кровати в полубессознательном состоянии, глаза его были прикованы к стене.

– Привет, Мастерс, – сказал Кинг, убедившись в том, что никто не подслушивает. – Как себя чувствуешь?

Мастерс смотрел на него, не узнавая:

– Чувствую себя?

– Конечно.

Прошла минута, прежде чем Мастерс пробормотал:

– Не знаю. – Струйка слюны сбежала по его подбородку.

Кинг вынул свою коробочку с табаком и наполнил им пустую табачную коробку, которая лежала на столе рядом с кроватью.

– Мастерс, – сказал Кинг, – спасибо за то, что сообщил мне.

– Сообщил?

– Сообщил мне о том, что прочитал на куске газеты. Я только хотел поблагодарить тебя, дать тебе немного табака.

Мастерс напрягся, вспоминая.

– А... а! Нехорошо шпионить за приятелем. Дерьмо, полицейский шпик!

Потом он умер.

Подошел доктор Кеннеди и аккуратно натянул грубую простыню на голову Мастерса.

– Твой друг? – спросил он Кинга, его усталые глаза смотрели холодно из-под косматых бровей.

– В какой-то степени, полковник.

– Ему повезло, – заметил врач. – Сейчас он уже не чувствует боли.

– Это один из способов смотреть на вещи, сэр, – вежливо ответил Кинг. Он взял со стола табак и высыпал его снова в свою коробочку. Мастерсу он больше не понадобится. – От чего он умер?

– От отсутствия желания жить. – Доктор подавил зевок. Зубы его были не чищены, волосы висели прямыми сальными прядями, а руки были розовыми и безукоризненно чистыми.

– Вы имеете в виду волю к жизни?

– Это один из способов смотреть на вещи. – Доктор сердито взглянул на Кинга. – Это единственное, от чего ты не сможешь умереть, так ведь?

– Черт возьми, нет, сэр!

– Что делает тебя таким непобедимым? – спросил доктор Кеннеди, ненавидя это огромное тело, которое излучало здоровье и силу.

– Я не понял вас, сэр.

– Почему с тобой все в порядке, а с остальными нет?

– Мне просто повезло, – сказал Кинг и собрался уходить, но доктор схватил его за рубашку:

– Это нельзя объяснить просто удачей. Нельзя! Может быть, ты дьявол, посланный, чтобы подвергнуть нас испытанию? Ты кровопийца, лжец и вор...

– Послушайте, вы! Я никогда ничего не крал и никого не обманывал в своей жизни, так что увольте!

– Тогда скажи мне, как это у тебя получается? Как? Это все, что я хочу знать. Разве ты не понимаешь? Ты являешься ответом для всех нас. Ты либо добро, либо зло, и я хочу понять, что ты есть.

– Вы сошли с ума, – буркнул Кинг, вырывая руку.

– Ты можешь помочь нам...

– Помогите себе сами. Я забочусь о себе. Вы позаботьтесь о себе. – Кинг заметил, что белый халат доктора Кеннеди болтается на его тощей груди. – Вот, – сказал он, давая доктору остаток пачки «Куа». – Покурите. Это хорошо успокаивает нервы, сэр. – Он повернулся и широким шагом двинулся на улицу. Он ненавидел госпитали. Он ненавидел вонь, болезни и беспомощность докторов.

Кинг презирал слабость. «Этот доктор, – подумал он, – припадочный какой-то, сукин сын. Этот псих долго не протянет. Как и Мастерс, бедолага! Хотя, может быть, все-таки он не был бедолагой – просто Мастерсом, слабым и потому ни к черту не годным. Мир – это джунгли, выживают сильнейшие, слабые умирают. Либо ты, либо кто-то другой. Это было справедливо. Иного пути нет».

Доктор Кеннеди устался на сигареты, благословляя свою удачу. Он закурил одну. Все его тело впитывало сладость никотина. Потом он прошел в палату к Джонни Карстерсу, кавалеру ордена «За выдающиеся заслуги», капитану 1-го танкового полка, который был почти трупом.

– Держи, – сказал он, давая ему сигарету.

– А вы-то как, доктор Кеннеди?

– Я не курю, никогда не курил.

– Счастливчик! – Джонни закашлялся от дыма и вместе с мокротой отхаркнул немного крови. От кашля сжался его кишечник, отчего струей изверглась кровавая жидкость, так как мышцы заднего прохода давно ослабли. – Док, – простонал Джонни, – пожалуйста, наденьте на меня ботинки. Я должен встать.

Старый доктор поискал ботинки. Разглядеть что-либо было трудно, потому что ночник в палате был тускл и тщательно затемнен.

– Нет здесь никаких ботинок, – проворчал он, глядя близоруко на Джонни, который сел на край кровати.

– Ох! Ну тут уж ничего не поделаешь.

– Какие они были?

Слезы тоненькой ниточкой потекли из глаз Джонни.

– Я берег эти ботинки. В них я всю жизнь проходил. Единственное, что у меня осталось.

– Хочешь еще сигарету?

– Докуриваю, спасибо.

Джонни снова лег на свою изгаженную постель.

– Жалко мне ботинок, – посетовал он.

Доктор Кеннеди вздохнул, снял свои ботинки без шнурков и надел на ноги Джонни.

– У меня есть еще пара, – соврал он, стоя босиком. Спина его болела.

Джонни пошевелил пальцами ног, наслаждаясь ощущением грубой кожи. Он сделал попытку взглянуть на них, но это оказалось непосильным для него.

– Я умираю, – сказал он.

– Да, – ответил врач.

Было время – да было ли оно когда-нибудь? – когда он был обязан соблюдать врачебную этику у постели умирающего. Сейчас в этом не было резона.

– Довольно бессмысленно, не правда ли, док? Двадцать два года – и ничего. Из небытия в небытие.

Дуновение ветерка принесло в палату надежду на скорое наступление рассвета.

– Спасибо за то, что одолжили мне ботинки, – прошептал Джонни. – Это то, что я всегда сам себе обещал. У мужчины должны быть ботинки.

Он умер.

Доктор Кеннеди снял ботинки с Джонни и обулся.

– Санитар! – крикнул он, увидев одного из них на веранде.

– Слушаю, сэр! – жизнерадостно сказал Стивен, подходя к врачу и держа в левой руке бадью с испражнениями.

– Пришлите похоронную команду забрать еще одного. Ах да, вы можете перестелить койку сержанта Мастерса. Она освободилась.

– У меня просто рук на все не хватит, полковник, – возразил Стивен, ставя на пол бадью. – Я должен принести три судна для коек десятой, двадцать третьей и сорок седьмой. А бедному полковнику Хаттону так неудобно. Я только было собрался сменить ему повязки. – Стивен посмотрел на кровать и покачал головой. – Ничего, кроме покойников...

– Такова работа, Стивен. По крайней мере, мы можем похоронить их. И чем скорее, тем лучше.

– Я тоже так думаю. Бедные ребята. – Стивен вздохнул и изящно промокнул пот на лбу чистым носовым платком. Потом положил платок в карман белого медицинского комбинезона, подхватил бадью, слегка покачнувшись под ее весом и вышел.

Доктор Кеннеди презирал его, презирал за жирные черные волосы, выбритые подмышки и выбритые ноги, но винить не мог. Гомосексуализм был способом выжить. Мужчины дрались из-за Стивена, делились с ним пайками, угощали сигаретами, делали все, лишь бы временно попользоваться его телом. А что же, задавал сам себе вопрос доктор, такого отвратительного в этом? Если вдуматься, «нормальная половая жизнь» клинически так же отвратительна.

Жесткой рукой он рассеянно почесал мошонку, потому что зуд сегодня был нестерпимым. Он непроизвольно коснулся своего пениса. Тот был бесчувственный. Дряблый.

Доктор вспомнил, что уже несколько месяцев у него не было эрекции. Это только из-за плохого питания. Не надо волноваться. Мы выйдем отсюда, будем нормально питаться, все станет на свои места. Мужчина в сорок три года все еще мужчина.

Вернулся Стивен с похоронной командой. Тело положили на носилки и унесли. Стивен поменял единственную простыню. Тут же внесли другие носилки и помогли новому больному лечь на кровать.

Доктор Кеннеди автоматически пощупал его пульс.

– Завтра начнется приступ, – сказал он. – Это просто малярия.

– Да, доктор. – Стивен бодро взглянул на врача. – Дать ему хинина?

– Конечно дать хинина!

– Простите, полковник, – едко произнес Стивен, вскидывая голову. – Я всего лишь задавал вопрос. Полагается, что только врачи уполномочены назначать лекарства.

– Ну так дайте ему хинина и, ради бога, Стивен, перестаньте притворяться проклятой бабой!

– Как! – Браслеты Стивена звякнули, когда он задрал нос и повернулся спиной к больному. – Довольно несправедливо бросаться на человека, доктор Кеннеди, когда он старается сделать лучше.

Доктор Кеннеди обругал бы Стивена, но в этот момент в палату вошел доктор Прюдом:

– Добрый вечер, полковник.

– А, привет. – Доктор Кеннеди благодарно повернулся к нему, понимая, что было бы глупостью ругаться со Стивеном. – Все в порядке?

– Да. Можно вас на минутку?

– Конечно.

Прюдом был маленьким спокойным человеком с куриной грудью, руки его были покрыты пятнами – следами многолетней работы с химикатами. Голос у него был серьезный и спокойный.

– Завтра две операции по поводу аппендицита. Одного только что притащили в пункт первой помощи.

– Ладно. Я осмотрю их перед тем, как уходить.

– Хотите оперировать? – Прюдом бросил взгляд в дальний конец палаты, где Стивен держал таз перед больным, которого рвало.

– Да. Дайте мне чем-нибудь заняться, – сказал Кеннеди.

Он пристально всмотрелся в темный угол. При тусклом свете затененной лампы хорошо видны были длинные изящные ноги Стивена и изгиб его ягодич, выделяющихся под облегающими шортами.

Чувствуя на себе их пристальные взгляды, Стивен посмотрел в их сторону и улыбнулся:

– Добрый вечер, доктор Прюдом.

– Привет, Стивен, – ласково ответил Прюдом.

К своему ужасу, доктор Кеннеди увидел, что Прюдом все еще смотрит на Стивена.

Прюдом повернулся к Кеннеди, заметив его потрясение и отвращение.

– Ах да, кстати, я закончил вскрытие человека, которого нашли в выгребной яме. Смерть наступила от удушья, – добавил он.

– Если вы находите сначала голову человека на полпути до дна ямы, то более чем ясно, что смерть наступила от удушья.

– Верно, доктор, – легко согласился Прюдом. – Я указал в свидетельстве о смерти: самоубийство из-за нарушения душевного равновесия.

– Тело опознано?

– О да. Сегодня днем. Он был австралийцем. Пленного звали Гёбл.

Доктор Кеннеди потер лицо:

– Я бы не расстался с жизнью таким образом. Ужасно!

Прюдом кивнул, и его взгляд переключился на Стивена.

– Я вполне согласен. Его, конечно, могли бросить в яму.

– Нашли какие-нибудь признаки насильственной смерти на теле?

– Никаких.

Доктор Кеннеди старался не обращать внимания на то, как Прюдом смотрит на Стивена.

– Убийство это или самоубийство, способ ужасен. Ужасен! Думаю, мы никогда не узнаем, как было дело.

– Сегодня днем, как только человек был опознан, произвели короткое расследование. Доказано, что несколько дней тому назад его поймали на воровстве пайков, причитающихся какой-то хижине.

– О! Понятно.

– Как бы там ни было, я хочу сказать, что он заслужил это.

– Думаю, да. – Доктору Кеннеди хотелось продолжить разговор: ему было одиноко, но он видел, что Прюдом интересуется только Стивеном. – Ну, – сказал он, – я лучше пойду с обходом. Хотите присоединиться?

– Благодарю, но я должен подготовить больных к операции.

Выходя из палаты, доктор Кеннеди краем глаза заметил, как Стивен легко коснулся Прюдома, проходя мимо, а тот ответил незаметной лаской. Он услышал смешок Стивена и увидел, как тот открыто ответил на ласку.

Их бесстыдство потрясло доктора. Он знал, что должен вернуться в палату, приказать им разойтись и отдать их под трибунал. Но он слишком устал, поэтому просто прошел в дальний конец веранды.

Воздух был спокоен, ночь темна и беззвучна, луна, как гигантская дуговая лампа, свисала с небесных стропил. Люди еще ходили по тропинке, но были молчаливы. Все ждало наступления рассвета.

Кеннеди посмотрел вверх, на звезды, пытаясь прочесть в них ответ на свой постоянный вопрос. Когда же, о Боже, наступит конец этому кошмару?

Но ответа не было.

Питер Марлоу сидел в офицерском туалете, наслаждаясь красотой неверного рассвета и удовлетворительной работой кишечника. Первое было делом обычным, второе – редким.

Он всегда занимал задний ряд, когда входил в уборную. Во-первых, по-прежнему ненавидел облегчаться на людях, а во-вторых, не переносил чужого присутствия за своей спиной, а кроме того, наблюдать за другими было развлечением.

Выгребные ямы, двадцать пять футов глубиной, два фута в диаметре, были удалены друг от друга на расстоянии шести футов. Двадцать рядов, спускающихся по склону, по тридцать штук в ряд. Каждое очко оборудовано деревянной крышкой и подвижной заслонкой.

В центре стояло единственное деревянное сиденье. Обычное очко. Этим преимуществом пользовались полковники. Остальным приходилось сидеть на корточках, по-туземному, поставив ноги по обеим сторонам дыры. И никаких ограждений – вся уборная была открыта небу и лагерю.

На сиденье в одиноком величии восседал полковник Сэмсон. Он был гол, не считая изношенной до лохмотьев широкополой шляпы. Он всегда носил эту шляпу, что было его причудой. Он снимал ее, когда брил голову, или массировал ее, или втирал кокосовое масло или какую-то непонятную мазь для восстановления волос. Он подцепил неизвестное заболевание, и все его волосы на голове выпали в один день – брови и ресницы тоже. Остальная часть тела была покрыта шерстью, как у обезьяны.

Мужчины расселись по туалету на максимальном удалении друг от друга. Каждый принес флягу с водой. Каждый отмахивался от постоянно роящихся мух.

Питер Марлоу снова сказал сам себе, что сидящий на корточках обнаженный облегчающийся мужчина – самое отвратительное в мире зрелище, может быть, самое душераздирающее.

Поскольку день только наступил, поднимался легкий туман, золотые лучики разбегались по бархатному небу. Земля была влажной из-за прошедших прошлой ночью дождей, ветерок ласкал прохладой, он принес запах морской соли и красного жасмина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.